

УБІЙЦА ЛЕБЕДЕИ

YBINGA WEEBEN

Изучая естественныя науки, знаменитый докторъ, Трибула Бономэ узналъ, что лебеди поютъ, умирая. И ему захотѣлось послушать эту музыку.

Въ дремучемъ, покинутомъ паркѣ, подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, нашель онъ древній, священный прудъ, гдѣ двѣнадцать тихихъ птицъ скользили по темному зеркалу воды. Черный лебедь сторожилъ ихъ по ночамъ, бодрствуя, съ широко открытыми глазами; въ длинномъ, розовомъ клювѣ онъ держалъ гладкій камень, который ронялъ въ воду при малѣйшей тревогѣ, и, услышавъ паденіе, разлетались лебеди.

Однажды, въ осеннюю темную ночь, томимый бессонницей, Бономэ всталъ и одѣлся въ нарочно приготовленное платье: огромные гуттаперчевые сапоги на теплой подкладкѣ, продолжавшіе, безъ швовъ, непромокаемую куртку, такую же теплую, съ парой стальныхъ рукавицъ, средне-вѣковымъ доспѣхомъ рыцарскимъ (онъ приобрѣлъ его у продавца древностей). Нарядившись такъ, онъ вышелъ изъ дому, подкрался къ пруду, погрузилъ въ воду сперва одинъ сапогъ, потомъ другой и пошелъ въ водѣ, — прудъ былъ мелокъ, вода по поясъ, — съ величайшей осторожностью, удерживая дыханіе, чтобы не разбудить чуткаго сторожа. Подойдя къ нему и улыбаясь во мракѣ, началъ царапать тихонько-тихохонько гладкое стекло воды, едва прикасаясь къ нему указательнымъ пальцемъ стальной рукавицы. Это царапанье было такъ слабо, что спящій лебедь, не просыпаясь, только прислушался. И, почувявъ опасность, бѣдное сердце его забилось въ ужасѣ.

И всѣ остальные лебеди, не слыша паденія камня, но чуя недоброе, расправили волнообразныя шеи изъ подъ серебряныхъ крыльевъ, и сердца ихъ забились въ смертной тоскѣ. И, слушая это біеніе, добрый старикъ упивался ихъ ужасомъ.

— Какъ пріятно поощрять художниковъ!—шепталъ онъ, разнѣжившись.

Вдругъ утренняя звѣзда озарила сквозь вѣтви черныя воды, и бѣлыхъ лебедей, и отважнаго рыцаря. Въ то же мгновеніе испуганный сторожъ выронилъ камень... Но поздно! Испустивъ ужасающій крикъ, съ протянутыми руками, съ поднятыми когтями, кинулся убійца въ стаю лебедей. Быстро сжимались желѣзные пальцы и, вонзаясь въ тонкія шеи, ломали ихъ.

И душа умирающихъ возносилась безсмертною пѣсню. А благоразумный докторъ, улыбаясь этой чувствительности, наслаждался музыкой. («Убійца Лебедей», Вилліэ де Лиль-Аданъ).

Душа современнаго мѣщанства—благоразумное безуміе, просвѣщенное варварство—таковъ смыслъ этой легенды.

Цеппелинъ, кидающій бомбы въ Національную Библиотеку, пулеметъ, громящій Венеру Милосскую, двадцатидюймовая гаубица, разрушающая Реймскій соборъ, — все это подвиги знаменитаго доктора—стальные пальцы, быстро сжимающіеся на тонкой шеѣ лебедя.

Просвѣщенное варварство ставитъ вопросъ не о какихъ-либо частяхъ или свойствахъ, а о самой сущности современной культуры: неужели и вправду вся она—только лебединая пѣснь, услаждающая слухъ знаменитаго доктора? Неужели и вправду едиными устами, единымъ сердцемъ исповѣдуетъ современное человѣчество націонализмъ, какъ послѣднюю истину?

По плодамъ узнаете ихъ: націонализмъ—дерево, милитаризмъ—плодъ; націонализмъ—душа, милитаризмъ—тѣло. Не безтѣлесность, призрачность всякаго тѣла — исходная

точка современной гносеологии. И «положительный» доктор—самый призрачный изъ призраковъ.

Когда нибудь, повѣрь, настанетъ день,
Когда всѣ эти чудныя видѣнья,
И храмы, и роскошные дворцы,
И тучами увѣнчанныя башни,
И самый нашъ великій шаръ земной,
Со всѣмъ, что въ немъ находится поныѣ,
Исчезнетъ все, слѣда не оставляя.
И сами мы вещественны, какъ сны,
Изъ насъ самихъ родятся сновидѣнья,
И наша жизнь лишь сномъ окружена.

Жизнь—сонъ. Сны бываютъ дурные и хорошіе. Война—дурной сонъ человѣчества.

Современная культура зиждется на глубочайшихъ антиноміяхъ, вѣчныхъ колебаніяхъ между идеализмомъ и материализмомъ. Но, если послѣдняя истина то, что время и пространство только «субъективныя формы нашего мышления», если все лживо и призрачно, то послѣдняя сущность идеализма и материализма одна и та же—нигилизмъ, воля къ ничтожеству. «Миръ, какъ представленіе» — сновидѣніе, покрывало Майи. «Преходитъ образъ міра сего». Двадцатидюймовыя гаубицы и меленитовыя бомбы—только тщетныя усилія разорвать это покрывало, проснуться отъ дурного сна. Милитаризмъ—облеченная въ желѣзо и кровь метафизика.

Вотъ почему варварство—плодъ современной культуры. Озвѣреніе, одичаніе. Озвѣреніе хуже звѣрства; одичаніе хуже дикости.

Калибанъ—неудавшійся воспитанникъ Пропера:

Онъ чортъ, рожденъ онъ чортомъ;
Воспитываль его напрасно я.
Мои труды и всѣ мои страданья
Потеряны...

Намъ казалось, что борьба между Калибаномъ и Пропера кончена; нѣтъ, только начинается...

«Ужъ не это ли, въ самомъ дѣлѣ, достигнутый идеаль? Не конецъ ли тутъ?... Все такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинается духъ тѣснить. Вы смотрите на эти миллионы людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара,—людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся... и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось—совершилось и закончилось. Это какое-то пророчество изъ Апокалипсиса... Помню, разъ, въ толпѣ, на улицѣ (въ Гайдъ-Маркетъ, лондонскомъ кварталѣ проститутокъ), я увидѣлъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую... Она шла, какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ зачѣмъ, шатаясь въ толпѣ; можетъ быть, она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило,—она шла съ видомъ такого горя, такого безысходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей вкочленной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ, посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги». («Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», Достоевскій).

Что ужаснѣе—кровь, льющаяся, какъ вода, съ паперти Реймсскаго собора, или удивленные глаза этой дѣвочки? Оба ужаса одинаковы: война только вскрываетъ то, что было въ мирѣ. Въ мирѣ мы объ этомъ забыли,—можетъ быть, вспомнимъ въ войнѣ.

Въ войнѣ и въ мирѣ духъ просвѣщеннаго варварства—духъ небытія. Матеріализмъ современной культуры—мнимый реализмъ; идеализмъ религіи — реализмъ культуры под-

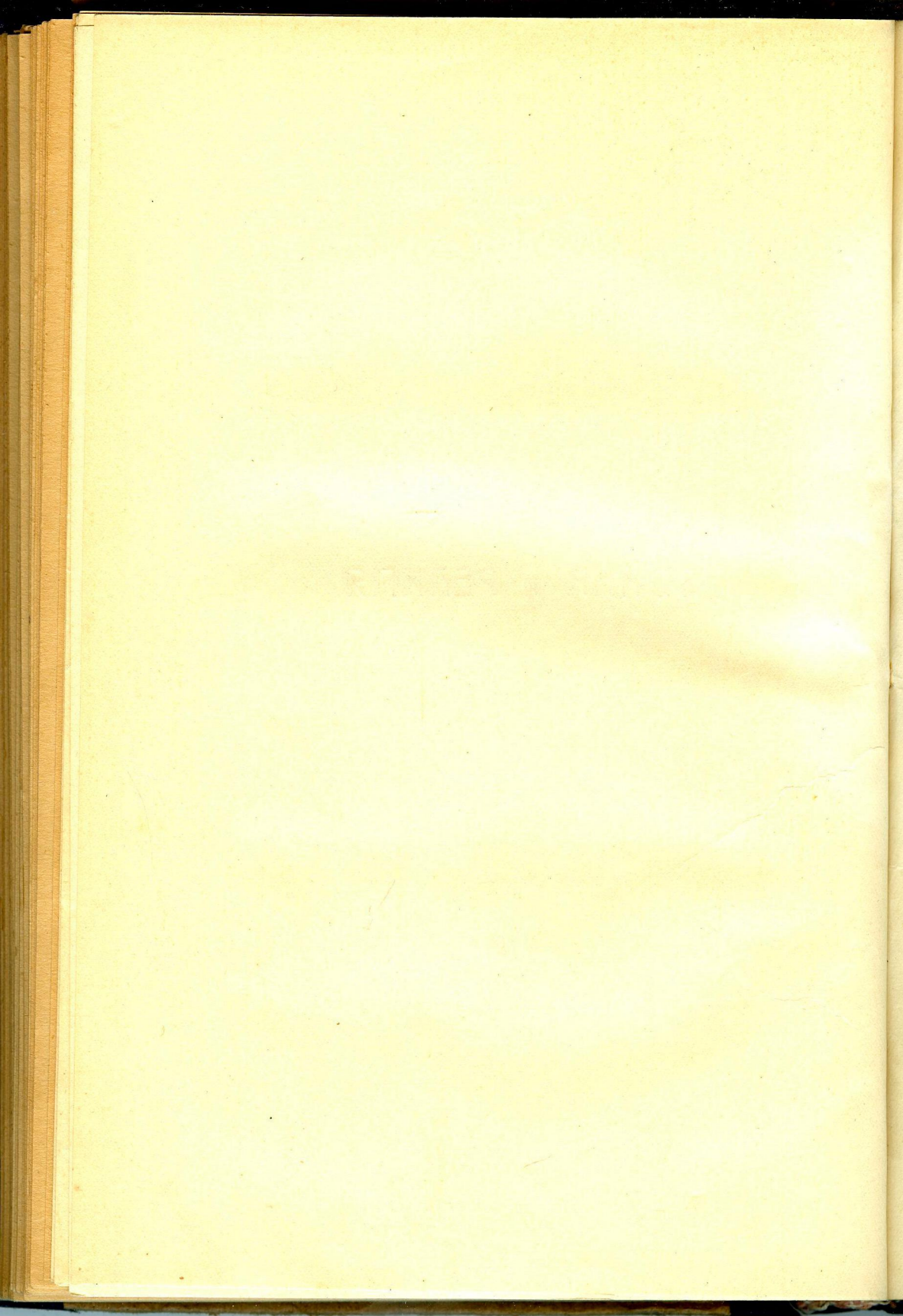
линный. «Господь—крѣпость жизни моей». Если Онъ истиненъ, то истинно все; если Онъ—ложь, то все ложно и призрачно.

Страшный судъ надъ нами совершается,—не надъ кѣмъ-либо изъ насъ, а надъ всѣми, ибо всѣ повинны въ крови, льющейся съ паперти и въ удивленныхъ глазахъ маленькой дѣвочки.

«Валтасаръ царь сдѣлалъ большое пиршество для тысячи вельможъ своихъ и предъ глазами тысячи пилъ вино... Тогда принесли золотые сосуды, которые взяты были изъ святилища Дома Божія въ Іерусалимѣ; и пили изъ нихъ царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино и славили боговъ золотыхъ и серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ. Въ тотъ самый часъ вышли персты руки человѣческой и писали противъ лампы, на извести стѣны чертога царскаго, и царь видѣлъ кисть руки, которая писала. Тогда царь измѣнился въ лицѣ своемъ; мысли его смутили его, связи чреслъ его ослабѣли, и колѣна его стали биться одно о другое». И явился пророкъ, и прочелъ написанное: «*Мене, мене, текелъ, упарсинъ*»,—исчислилъ Богъ царство твое и положилъ конецъ ему; ты взвѣшенъ на вѣсахъ и найденъ очень легкимъ; раздѣлено царство твое и дадено Мидянамъ и Персамъ».

Не будемъ ли и мы на тѣхъ же вѣсахъ взвѣшены и найдены очень легкими? Мнимая тяжесть—дѣйствительная легкость ученаго доктора, убійцы лебедей, который никогда не узнаеть, о чемъ они передъ смертью поють.

ВОЙНА и РЕЛИГИЯ

Когда ночью проснешься и вдруг вспомнишь: «война»!— въ душѣ подымается ужасъ. Можно ли воевать, чѣмъ оправдать войну, какой смыслъ въ войнѣ,—какъ бы мы ни отвѣчали на эти вопросы, ужасъ остается ужасомъ.

Людоѣдство нѣкогда казалось естественнымъ. Люди ѣли человѣчье мясо, не думая о томъ, можно или нельзя ѣсть; потомъ перестали, тоже не думая, потому что вкусъ человѣчьяго мяса имъ опротивѣлъ. И того, кто теперь вздумалъ бы отвѣдать его, постигла бы участь Донъ-Жуановыхъ спутниковъ, которые, послѣ кораблекрушенія, умирая отъ голода, убили человѣка и съѣли: «они сошли съ ума—went raging mad».

Война людямъ все еще кажется естественной, и они воюютъ, не думая о томъ, можно или нельзя воевать; перестанутъ, тоже не думая, когда война имъ опротивѣтъ. И это уже начинается. Вотъ Леонардо-да-Винчи называетъ войну «самымъ звѣрскимъ изъ сумасшествій — *bestialissima razzia*»; вотъ Л. Толстой говоритъ о войнѣ такую правду, какой еще никто никогда не говорилъ. А что въ немногихъ великихъ, то и во многихъ маленькихъ: вотъ русскій солдатъ ранилъ австрійца штыкомъ, потомъ взялъ его себѣ на плечи, долго несъ, ухаживалъ за нимъ, а когда онъ умеръ,—сошелъ съ ума отъ жалости и ужаса.

Наше возмущеніе «нѣмецкими звѣрствами» подобно возмущенію людоѣдовъ тѣмъ, что человѣчье мясо ѣдятъ недожаренымъ. Нѣтъ, ужъ лучше просто ѣсть, не возмущаясь; чѣмъ хуже, тѣмъ лучше: скорѣе война опротивѣтъ. Человѣкъ, оставаясь человѣкомъ, уже воевать не

можетъ: онъ долженъ озвѣрѣть. Говорятъ, въ нынѣшнихъ сраженіяхъ лошади грызутся: люди заражаютъ звѣрей своимъ собственнымъ звѣрствомъ.

Закрывать глаза, отвернуться, уйти отъ этого ужаса,— вотъ первое движеніе человѣка, который понялъ, что такое война. Но уйти некуда: хотимъ, не хотимъ,—мы всѣ въ войнѣ, всѣ убійцы или убитые, ѣдущіе или ѣдомые.

Не уйти отъ войны одному: всѣ виноваты и всѣ должны покаяться. А уходить одному, брезгать, умывать руки— можетъ быть, большой грѣхъ, чѣмъ вмѣстѣ со всѣми въ войнѣ участвовать.

«Вотъ пришелъ Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай».

— «Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ?»—спросилъ Богъ.

— «Я былъ на землѣ; случилось мнѣ идти мимо мужика, у котораго возъ завязъ; онъ попросилъ меня: помоги возъ вытащить; да я не захотѣлъ марать райскаго платья».

— «Ну, а ты, Никола-угодникъ, гдѣ такъ выпачкался?»

— «Я былъ на землѣ, шелъ по той же дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ».

— «Слушай, Касьянъ,—сказалъ тогда Богъ,—за то, что ты не помогъ мужику, будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ, за то, что помогъ мужику возъ вытащить, будутъ служить молебны два раза въ годъ».

Возъ человѣчества завязъ въ грязи и въ крови. Не будемъ же проходить мимо, сохраняя чистоту райскаго платья; будемъ вытаскивать возъ, пачкаясь въ крови и въ грязи.

Что есть кое-что и въ войнѣ доброе, это сейчасъ всѣ видятъ. Такъ ужъ міръ устроенъ, что цѣною великаго зла покупается великое благо. Діаволь служитъ Богу нечаянно; но человѣку все-таки надо сдѣлать выборъ между Богомъ и діаволомъ.

Одно изъ «благъ» войны—познаніе народа. Мы всегда вѣрили въ народъ; теперь ужъ не вѣримъ, а видимъ, знаемъ. Не то удивительно, что народъ въ войнѣ храбръ, а то, что несмотря на всѣ усилія сдѣлать изъ него «звѣря», онъ сохраняетъ *человѣчность*, образъ и подобіе Божіе. Золотая руда была землей засыпана, покрыта вѣковою ржавчиной. Но мечъ ударилъ по ней—и вотъ разрѣзъ ея сверкающій.

Золото, золото—сердце народное!

Еще удивительнѣе познаніе того, что мы такъ презрительно называли донинѣ «мѣщанствомъ» современной Европы. По всей вѣроятности, эта война—конецъ стараго порядка «мѣщанскаго», начало—новаго, неизвѣстнаго. И вотъ, надо быть справедливымъ: есть величіе въ этомъ концѣ. Если начало «мѣщанской» Европы въ Великой революціи было прекрасно, то и конецъ—въ Великой войнѣ—такъ же прекрасенъ.

Золото, золото—сердце *мѣщанское!*

Конецъ «мѣщанства»—конецъ «индивидуализма», мнимо, нерелигіознаго утвержденія личности.

— Сейчасъ одно изъ двухъ: или уйти на войну, или уйти въ себя,—говорилъ мнѣ одинъ изъ послѣднихъ русскихъ «индивидуалистовъ».

Это, конечно, самообманъ: въ себя отъ войны не уйдешь, потому что война, не только—внѣ насъ, но и въ насъ самихъ. Именно сейчасъ, въ этой войнѣ безъ вождей, безъ героевъ, безъ личностей, больше чѣмъ когда-либо, чувствуется малость *одного*, величіе *всѣхъ*.

Тутъ есть правда, но есть и ложь или опасность лжи. Война—затменіе личности, не только мнимой, но и подлинной. Отъ Байрона до Ибсена, отъ Достоевскаго до Нитче—мѣщанскій индивидуализмъ не отвѣтилъ на *религіозный вопросъ о личности*, но поставилъ его такъ, какъ онъ еще никогда не ставился. Отвѣта на этотъ вопросъ,—

вотъ чего ждетъ Европа не отъ войны, а отъ того, что будетъ или можетъ быть послѣ войны.

А чего ждетъ Россія?

Для Россіи возможны два исхода.

Одинъ—порабощающій, побѣда звѣрскаго націонализма и милитаризма, которая страшнѣе всѣхъ поражений. Почти все, что сейчасъ говорится и дѣлается, направлено въ эту сторону; почти вся льющаяся кровь—вода на эту мельницу. Но если такъ,—желать ли побѣды? Внутренній врагъ не злѣе ли внѣшняго?

Нельзя не желать побѣды. И если нельзя побѣдить, не соединившись съ внутреннимъ врагомъ, то надо съ нимъ соединиться, но при этомъ—сознавать опасность того, что дѣлаешь, чтобы не оказаться въ дуракахъ или въ измѣнникахъ.

Другой исходъ—освобождающій. Что народъ идетъ на войну—пусть еще безсознательно, или полусознательно—за какую-то правдою и что правда эта будетъ «обновленіемъ» Россіи,—мы всѣ надѣемся. Но одной надежды мало: надо *готовить* этотъ исходъ, закрѣплять въ сознаніи мгновенный, стихійный порывъ. Русская интеллигенція—сознаніе Россіи. Сейчасъ менѣе, чѣмъ когда-либо, должно ей отрекаться отъ себя самой.

Кто нынче не вѣритъ во все что угодно, иногда съ безумною и преступною легкостью? Дешева стала вѣра, сомнѣніе — дорого. Сомнѣніе — сознаніе — «воздушная развѣдка» надъ вражескимъ станомъ. Не будемъ же бояться сомнѣній, не будемъ стрѣлять по своимъ собственнымъ летчикамъ.

«Война съ войной», «война за миръ»—пустыя слова,—хуже чѣмъ пустыя,—лживыя,—пока торжествуетъ *націонализмъ звѣринаго образа*. Мы видимъ его въ нашихъ врагахъ; увидимъ же и въ насъ самихъ.

Изживаніе войны—изживаніе націонализма. Война есть предѣлъ насилія. Христіанствомъ насиліе не отрицается, а преодолевается, изживается. Религіозная антиномія насилія,

антиномія войны—«нельзя и надо» воевать, «нельзя и надо» убивать — неразрѣшима въ позитивной плоскости. Задача русскаго сознанія, русской интеллигенціи заключается въ томъ, чтобы перенести вопросъ о войнѣ изъ позитивной плоскости въ религіозную, гдѣ эта антиномія разрѣшается: «нельзя и *не надо*».

Если эта война — «война всего міра», то и конецъ ея, миръ—«миръ всего міра».

«Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ, какъ міръ, Я даю вамъ».

Миръ хотѣлъ дать свой миръ, безъ Христа,— и вотъ что далъ. Пусть же этотъ урокъ не пройдетъ для насъ даромъ.

Миръ всего міра—послѣдній миръ — послѣднее освобожденіе. Истолковать народу освобождающій религіозный смыслъ не войны (у войны нѣтъ религіознаго смысла), а того, что будетъ или можетъ быть послѣ войны,—задача русскаго сознанія.

Громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Грянулъ громъ войны, и перекрестился народъ. Перекрестимся же и мы. Народъ не услышитъ насъ и не пойдетъ за нами, пока мы этого не сдѣлаемъ.

Религія—«частное дѣло»—Privat - Sache. До чего доводитъ это утвержденіе мнимой религіозной личности, религіознаго «индивидуализма», мы видимъ воочию на страшныхъ судьбахъ Германіи. Пусть же и этотъ урокъ не пройдетъ для насъ даромъ. Нѣтъ, религія—не частное, а *общее* дѣло, самое общее, самое *общественное* изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.

Что такое христіанство, что такое Христось, какъ начало религіозной общественности,—пока мы не отвѣтимъ на этотъ вопросъ, мы не сможемъ отвѣтить и на вопросъ, чего Россія ждетъ отъ войны.

ДВА ИСЛАМА

Страшно, что всё мы были такъ слѣпы—слѣпы, какъ щенки новорожденные. За день, за часъ, за мигъ ничего не предвидѣли. Какъ во дни Ноя, передъ потопомъ, ѣли, пили, посягали. И когда увидѣли, то все еще не вѣрили.

„Конецъ міра идетъ», — кричали намъ пророки, до послѣдняго дня, до послѣдняго часа, до послѣдняго мига. Но мы не вѣрили, не видѣли, не слышали. Закрывали глаза, чтобы не видѣть, затыкали уши, чтобы не слышать.

«Конецъ міра»? Нѣтъ, еще не конецъ, но начало конца, или, вѣрнѣе, начало всѣхъ концовъ. Что именно *конечныя* судьбы Божьи на нашихъ глазахъ совершаются, — надо быть слѣпымъ, чтобы этого не видѣть.

Война Россіи съ Турціей и, можетъ быть, всего христіанскаго Запада со всѣмъ мусульманскимъ Востокомъ— тоже одно изъ началъ одного изъ концовъ. Эта война началась еще въ до-христіанской древности, въ борьбѣ іудейскаго и потомъ Эллино-Римскаго Запада съ Ассирово-Вавилонскимъ и Персо-Мидійскимъ Востокомъ; продолжалась въ Средніе Вѣка, въ войнахъ крестоносцевъ; и вотъ, на нашихъ глазахъ, кончается.

Если бы мы не были такъ слѣпы, то предвидѣли бы не только всемірно-историческую, но и метафизическую неизбѣжность того, что сейчасъ происходитъ въ союзѣ Германіи съ Турціей.

Отъ историческаго христіанства получили мы въ наслѣдіе почти неодолимое предубѣжденіе—родъ суевѣрія—противъ Ислама, какъ «ложной религіи». Но понятія лжи и религіи несомвѣстимы. Нѣтъ ложныхъ религій, есть только болѣе

или менѣ истинныя. Зерно истины заключается въ каждой изъ нихъ. Поскольку религія есть религія, т. е. утверждение божественныхъ цѣнностей, она не можетъ не быть истинной. Въ этомъ смыслѣ Исламъ—истинная религія.

«Allah akbar — Богъ великъ», таково единственное откровеніе Ислама. Богъ великъ и единъ. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога. „Исламъ“ значитъ покорность Богу. Мы должны покоряться Богу. Вся наша сила заключается въ покорномъ подчиненіи Богу, во всемъ, что Онъ ниспослалъ бы намъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ мірѣ. Все, что Онъ посылаетъ намъ, будетъ ли это смерть, или что-либо еще хуже, чѣмъ смерть, мы должны принимать за благо; мы предаемъ себя на волю Божью», — такъ опредѣляетъ Карлейль сущность Ислама. «Если это *Исламъ*, то не живемъ ли мы всѣ въ *Исламѣ*», спрашиваетъ Гете.

Нынѣшній политическій, а, можетъ быть, и больше, чѣмъ политическій, союзъ Германіи съ Турціей—всемирно-историческое осуществленіе Гетева пророчества о «*Западно-Восточномъ Диванѣ*» (*Westöstlicher Diwan*)—союзъ мусульманскаго Ближняго Востока съ протестантскимъ Среднимъ Западомъ.

— Исламъ—«реформація» семитовъ, реформація—«Исламъ» арійцевъ. Два Ислама, двѣ реформаціи — метафизически—соотвѣтственныя, обоюдныя: обѣ—*движеніе назадъ*, возвращеніе, реакція: Исламъ — къ первоудейству, какъ будто христіанства не было, протестантизмъ—къ первохристіанству, какъ будто церкви не было. Дѣло испорчено, надо поправить, а для этого, все начать съизнова, — такова общая мысль Магомета и Лютера¹⁾.

¹⁾ Я разумѣю здѣсь и въ дальнѣйшемъ, конечно, не весь протестантизмъ, а лишь извѣстный уклонъ его, извѣстное теченіе или, вѣрнѣе, опасность, грозящую протестантизму въ большей степени, чѣмъ какому-либо другому христіанскому исповѣданію. Протестантизмъ, самъ по себѣ,—великое, вѣчное религіозное движеніе, въ которомъ заключается, какъ и во всякой религіи, зерно абсолютной истины.

Главная притягательная сила обѣихъ религій — общедоступность, общепонятность, приспособленность къ среднему человѣческому уровню. Обѣ религіи — «въ ростъ человѣческой». Ничего сверхсильнаго, сверхмѣрнаго. Всѣ метафизическія крайности сглажены, всѣ острія сломаны. Самыя удобныя, умѣренныя, естественныя, разумныя, «раціональныя» религіи — религіи «здраваго смысла», по преимуществу.

Богъ внѣміренъ, «трансцендентенъ», непознаваемъ, невоплощаемъ. Отсюда — «иконоборчество», отрицаніе всѣхъ божественныхъ знаковъ и знаменій, «символовъ» (предполагающихъ «имманентность», воплощаемость Бога). Вотъ почему такъ просто, пусто, чисто, свѣтло, и голо, и холодно въ обоихъ храмахъ — протестантской церкви и мусульманской мечети.

Монизмъ, детерменизмъ — два главныхъ догмата обѣихъ религій. Монизму религіозному, единобожію, противорѣчитъ или какъ-будто противорѣчитъ догматъ о Троицѣ, о воплощеніи Сына Божьяго. Вотъ почему оба «Ислама» сводятъ Христа къ «человѣку Иисусу», — мусульманство — сразу, догматически, протестанство — мало-по-малу, критически: отъ Лютера къ Фейербаху и Гарнаку, отъ Гарнака къ Нитче. У авэрроистовъ, средневѣковыхъ арабскихъ комментаторовъ Аристотеля, точно такъ же, какъ у современныхъ германскихъ ученыхъ, метафизическое единобожіе становится «научнымъ монизмомъ», матеріализмомъ; единство воли Божіей — единствомъ «законовъ естественныхъ». И религіозному «фатализму», который нашель свое протестантское завершеніе въ ученіи Кальвина, соответствуетъ научный «детерминизмъ»; «оправданію вѣрою» — оправданіе вѣдѣніемъ.

«Никогда не приходилось мнѣ читать такой томительной книги... Невыносимая безтолковщина! Правда, многое, говорятъ, записано на бараньихъ лопаткахъ, брошенныхъ безъ всякаго разбора въ ящикъ»... «Какъ бы то ни было, но книга написана невозможно скверно, такъ скверно, какъ едва-ли была написана когда-либо другая книга», — замѣчаетъ Карлейль о Коранѣ.

Но если буква Корана темна и мертва, «безтолкова», то духъ его мудръ, огненень и живъ. Кажется, Пушкинь, въ своихъ «Подражаніяхъ Корану» проникъ въ него глубже, чѣмъ когда-либо.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою, съ обрityми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башняхъ, на стѣнѣ.
Внемлите радостному клику,
О, дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!
Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

«Священная война» — вотъ смыслъ Корана. Да примуть Исламъ всѣ племена и народы, вся «дрожаящая тварь», а кто не приметъ, — огнемъ и мечемъ истребитъ. Одинъ Богъ, одинъ Пророкъ, одно царство — отъ Гималая до Гибралтара. Записанное «на бараньихъ лопаткахъ» запишется и на страницахъ всемірной исторіи.

Священная Война, война — религія — этого нѣтъ ни въ одной религіи, кромѣ Ислама, по крайней мѣрѣ, *въ такой степени*. Война и въ христіанствѣ освящается почти такъ же, какъ въ Исламѣ, — *почти*, но не совсѣмъ.

Lumen coelié, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянь,
И какъ громъ его угроза
Поражала мусульманъ.

Но недаромъ «онъ имѣлъ одно видѣнье, непостижное уму»:

Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Еще безумнѣе — Францискъ Ассизскій, въ Саладиновомъ лагерѣ, умоляющій невѣрныхъ сложить оружіе, пре-

кратить войну, «ради Христа»; еще безумнѣе Л. Толстой съ «Войной и миромъ»; еще безумнѣе тотъ русскій солдатъ, который ранилъ австрійца штыкомъ, а потомъ взялъ его къ себѣ на плечи, долго несъ и, когда тотъ умеръ, сошелъ съ ума отъ жалости и ужаса.

Можно ли врага любить и убивать? Можно. А если и нельзя, то все-таки надо. Нельзя и надо,—тутъ противорѣчіе, раздирающее душу, хотя и тайное. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Вотъ этого-то шила нѣтъ въ Исламѣ: тамъ, что надо, то и можно. Тамъ война для войны, въ христіанствѣ война для мира. Исламъ живетъ войною; христіанство войну *изживаетъ*. И никогда еще это *изживаніе* не чувствовалось такъ, какъ сейчасъ.

Въ союзѣ Турціи съ Германіей два «Ислама», протестантскій и мусульманскій, соединились именно въ этомъ своемъ главномъ, единственномъ догматѣ — Священной Войнѣ—войнѣ, какъ религіи.

Между императоромъ Вильгельмомъ, объявившимъ войну всему христіанскому человѣчеству, «во имя Христа», и «Антихристомъ» Нитче существуетъ глубокая религіозная связь. О, конечно, это еще не Антихристъ, а развѣ только «щенокъ антихристовъ», какъ называли раскольники Никона; но и въ щенкѣ—Звѣрь.

Нитче подумалъ, Вильгельмъ сдѣлалъ. Нитче отъ Христа отрекся и сошелъ съ ума; Вильгельмъ отъ Христа не отрекался и съ ума не сходилъ. Вильгельмъ — благо-разумный, благополучный, благочестивый и бездарный Нитче. Крови Господней причащается передъ тѣмъ, чтобы пролить столько крови человѣческой, сколько отъ начала міра не пролито. Это страшно, но еще страшнѣе то, что душа великаго христіанскаго народа, — да, все-таки великаго, все-таки христіанскаго,—не возмутилась этою кощунственной мерзостью, а если и возмутилась, то осталась безмолвною.

Вильгельму приснился тотъ же сонъ, какъ Магомету:

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бояхъ, съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башняхъ, на стѣнѣ...
Вы побѣдили: слава вамъ!

Магомета, одного изъ величайшихъ людей, съ Вильгельмомъ, однимъ изъ ничтожнѣйшихъ, нельзя сравнивать, а если и можно, то развѣ только, какъ лицо — съ карриатурою. И ужъ во всякомъ случаѣ, что этотъ сонъ не въ руку, что эта война не «Священная», — нѣтъ никакого сомнѣнія для всего христіанскаго человѣчества.

Рѣки вспять не текутъ — религии не повторяются. Если въ первомъ Исламѣ абсолютная истина — «послушаніе Единому Богу», — то во второмъ — абсолютная ложь — послушаніе человѣку единому.

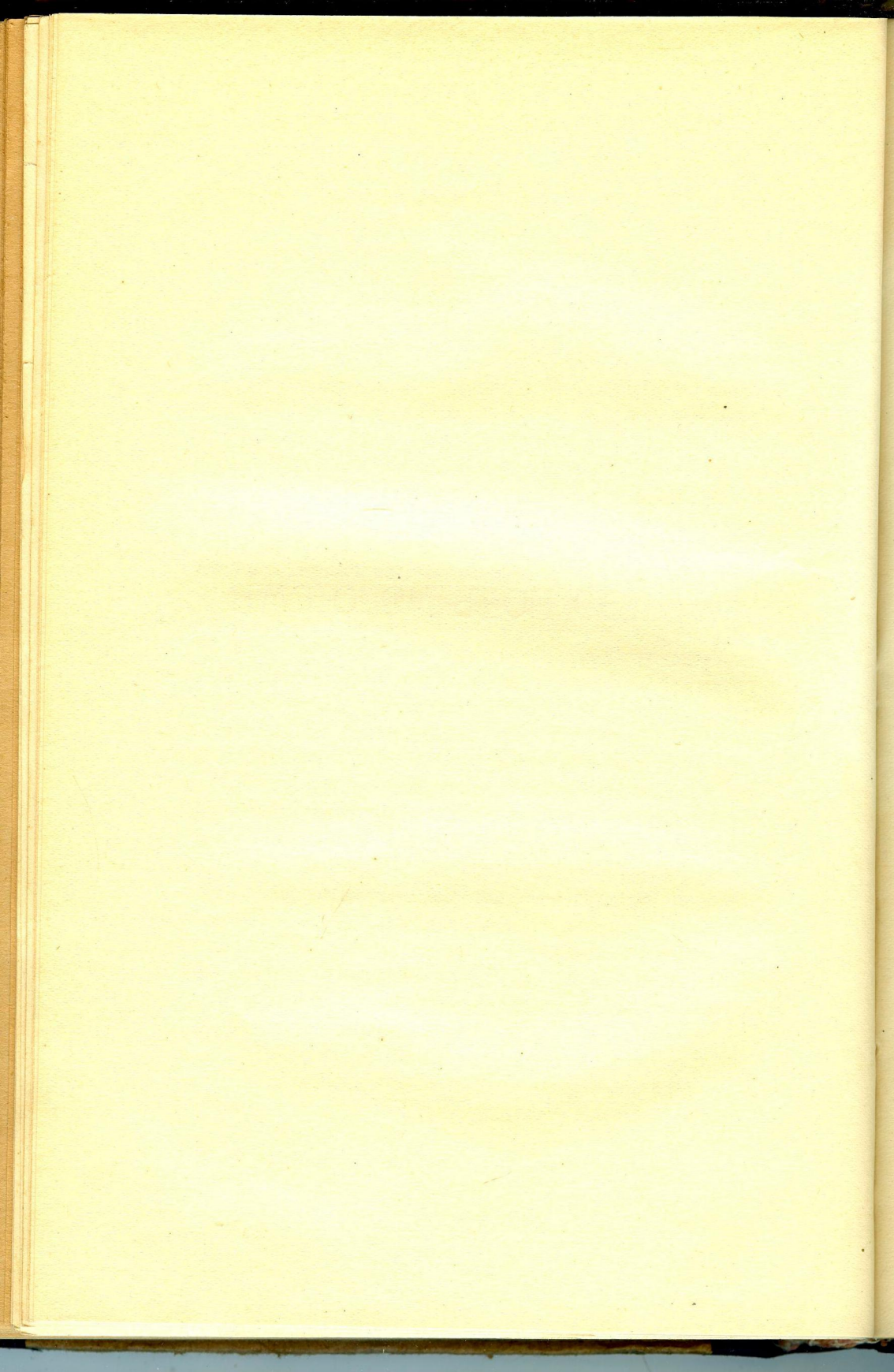
Но ложь не въ одномъ изъ христіанскихъ народовъ, а во всемъ христіанскомъ человѣчествѣ. Не только Германія, но и всѣ народы въ достаточной степени вытравили Христа изъ христіанства, утверждали «второй Исламъ» — послушаніе не Единому Богу, а человѣку или человѣчеству единому, безбожный націонализмъ и милитаризмъ, самую грѣшную изъ войнъ, какъ Священную.

Ложь не извнѣ, а внутри. И не побѣдивъ ея изнутри, — себя не побѣдивъ, никого не побѣдимъ. За вторымъ Исламомъ — третій, четвертый, десятый, безчисленный, непобѣдимый, непоправимый, окончательный.

Ложь побѣждается истиной, возрожденный Исламъ — возрожденнымъ христіанствомъ.

Возродится ли христіанство? Если нѣтъ, — его побѣдитъ Исламъ; если да, — Исламъ будетъ имъ побѣжденъ.

ЖЕЛѢЗО ПОДЪ МОЛОТОМЪ

Такъ тяжелый млатъ,
Дробя стекло, куеть булатъ.

Что желѣзо Россіи куется молотомъ и будетъ сталью, мы вѣримъ; но что говоритъ желѣзо подъ молотомъ, все еще не слышимъ; все еще «народъ безмолвствуетъ», и его безмолвіе, въ эти страшные дни едва ли не самое страшное.

За то, какъ звенить и дробится стекло,—слышимъ; кажется, только это одно и слышимъ пока. Сколько битаго стекла, сколько звенящихъ осколковъ и дребезгъ! Какъ будто теплица, гдѣ мы росли и цвѣли, рухнула, и вмѣсто неба стекляннаго надъ нами вдругъ настоящее,—какое черное, какое красное!

Вотъ куча битаго стекла.—русскій націонализмъ, та нечестивая вѣра въ себя, какъ въ Бога, которая воетъ звѣринымъ воемъ: «Съ нами Богъ! Съ нами и больше ни съ кѣмъ!» О, если бы хоть нынѣ, когда Божья рука отяготѣла на насъ, мы поняли, что не только съ нами Богъ!

Давно ли русскій націонализмъ воздвигалъ «черту осѣдлости», какъ стѣну несокрушимую,—и вотъ, гдѣ будетъ скоро эта стѣна? Сметется, какъ паутина,—увы,—не столько русскимъ великодушіемъ, сколько нѣмецкимъ нашествіемъ.

Давно ли русскій націонализмъ щелкалъ зубами, какъ волкъ, на Галицію,—и вотъ, гдѣ теперь Галиція?

Давно ли русскій націонализмъ покупалъ Польшу, какъ Чичиковъ мертвыя души,—и вотъ, гдѣ теперь Польша?

Въ августѣ прошлаго года кто-то изъ «храбрыхъ» отдавалъ руку свою на отсѣченіе, что не пройдетъ двухъ мѣ-

сяцевъ, какъ Берлинъ будетъ взятъ. Гдѣ же эта рука отсѣченная?

Что же теперь молчать эти «храбрые»? Куда они спрятались?

Стыдно, такъ стыдно, что провалиться бы сквозь землю.

И добро бы кучка безумцевъ опьянѣла, ослѣпла отъ націонализма, какъ отъ подлой «ханжи»,—нѣтъ, почти все русское общество. О, если бы хоть теперь, когда ему на голову льются такіе ушаты холодной воды, оно отрезвѣло, какъ слѣдуетъ!

Другая горка битаго стекла—«объединеніе», нераздѣленіе на «мы» и «они». Что Россія будетъ единою, дастъ Богъ скорѣе, чѣмъ думаютъ «объединители»,—и тогда побѣдить,—если въ этомъ кто-либо изъ «нихъ» сомнѣвается, то изъ «насъ» никто. Единая Россія куется молотомъ войны. Единство будетъ скоро, но единства нѣтъ сейчасъ. Потому-то и нѣтъ побѣды, что нѣтъ единой Россіи,—все еще «мы» и «они», двѣ Россіи. И пусть одна изъ нихъ—только нечистый оборотень, лживый призракъ, двойникъ; пока есть двойникъ, надо съ нимъ бороться. И горе намъ, если мы ослабѣемъ въ борьбѣ, если повѣримъ тому, что двойникъ говоритъ: «ты—это я; мы—одно».

Въ томъ-то и ужасъ нашъ, что сейчасъ двѣ Россіи, двѣ войны, два врага.—и мы не знаемъ, какой опаснѣе.

Чтобы одолѣть этотъ ужасъ, будемъ смотрѣть ему прямо въ глаза. Мы не знаемъ, какой изъ двухъ враговъ опаснѣе,—будемъ же бороться съ обоими такъ, какъ будто оба опасны равно. Мы между двухъ огней,—это худо; но еще хуже бросаться изъ огня въ огонь. Не будемъ же вѣрить предательскимъ шопотамъ: «помиритесь съ однимъ изъ враговъ, чтобы одолѣть другого». Будемъ , что надъ двумя врагами побѣда одна. Только свободная Россія побѣдитъ; только побѣдившая будетъ свободна. Но нельзя освободиться сначала, чтобы потомъ побѣдить, такъ же какъ нельзя сначала побѣдить, чтобы потомъ освободиться,—можно только вмѣстѣ.

Высшая правда націонализма—«патріотизмъ», любовь къ отечеству. Патріотизмъ слово не русское: о самомъ родномъ, живомъ—чужое, мертвое. «Любовь къ отечеству»—два слова вмѣсто одного, недостающаго. Какъ будто народъ не можетъ или не хочетъ говорить о своей любви къ отечеству. Любить молча. Надо уйти отъ народа, чтобы сказать: «я люблю народъ, люблю отечество». Когда мать умираетъ, сынъ не говоритъ о томъ, какъ онъ ее любитъ. О святомъ нельзя говорить,—стыдно и страшно. Мы еще недавно говорили о своей любви къ отечеству, безъ всякаго стыда и страха. И вотъ теперь, когда надо любить, всѣ эти слова оказались пустыми, «стеклянными». Теперь кто любить,—молчитъ.

Высшая ли правда въ этой войнѣ—любовь къ отечеству? Мы любимъ свое, нѣмцы—свое, можетъ быть, не меньше нашего. Если нѣтъ у насъ большей правды, то побѣду рѣшить не правда, а сила: кто силенъ, тотъ и правъ,—какъ думаютъ наши враги. За что же мы на нихъ сердимся? Нѣтъ, въ этой войнѣ,—именно въ этой, въ отличіе отъ всѣхъ,—побѣдить не любовь къ отечеству.

Чтобы знать,—надо любить. Нѣмцевъ мы сейчасъ не знаемъ, потому что не любимъ. Думать, что всѣ они «звѣри»,—такая глупость, съ которой спорить не стоитъ. Мы ихъ не знаемъ сейчасъ, но по старой памяти думаемъ, что есть и между ними хорошіе люди, которые понимаютъ все, что мы понимаемъ. Думаемъ, что жива еще старая, добрая Германія Гете и Шиллера. Жива, но невидима. На нее надвинулась, ее закрыла иная Германія, съ лицомъ, въ самомъ дѣлѣ, не человѣческимъ и даже не звѣрскимъ, а дьявольскимъ. Не одичаніе, не озвѣрѣніе происходитъ тамъ, а нѣчто болѣе страшное, чему нѣтъ имени на языкѣ человѣческомъ, но что можно сравнить съ тѣмъ, что происходитъ въ человѣкѣ, когда онъ сходитъ съ ума, или, какъ говорили нѣкогда, «бѣснуется». Сумасшедшій, бѣсноватый народъ, или, вѣрнѣе, нечистый оборотень, лживый призракъ, двойникъ народа, — вотъ, съ чѣмъ борется человѣчество.

Вообще, нѣмцы люди разумные. И если *разумъ—все*, если въ человѣкѣ, въ человѣчествѣ нѣтъ ничего, кромѣ разума, то они и теперь остаются разумными, а все человѣчество сходитъ съ ума. Но утверждать, что разумъ—все, есть величайшее изъ всѣхъ безумій,—безуміе не воли, не чувства, не страсти, а *безуміе самого разума*. Страшно, когда обыкновенный человѣкъ сходитъ съ ума; но насколько страшнѣе «сумасшедшій Кантъ», обезумѣвшій разумъ.

Нѣмцы народъ метафизическій и послѣдовательный въ своей метафизикѣ. Они сдѣлали никѣмъ еще не сдѣланный, правильный метафизическій выводъ изъ націонализма—утвержденіе націи, какъ абсолюта, утвержденіе правды народной, какъ всечеловѣческой. Выводъ правильный, но посылка безумная. И если конецъ этого безумія міру невѣдомъ, то его начало слишкомъ извѣстно: это—древнее, едва ли не самое древнее изъ всѣхъ безумій человѣческихъ,—ассиро-вавилонское, мидійское, персидское, эллинское, римское,—безуміе «мірового владычества», *воля народа быть человѣчествомъ*.

Что такое именно смыслъ войны для Германіи, что Германія воюетъ не съ тѣмъ или другимъ народомъ, а со всѣми народами, со всѣмъ человѣчествомъ,—что нѣмцы поняли и приняли тоже, какъ правильный выводъ изъ своей метафизики. Поняли и то, что борьба идетъ уже не за побѣду, а за существованіе. Быть или не быть Германіи—быть или не быть человѣчеству,—вотъ какъ поставленъ вопросъ. И нѣмцы на него отвѣтили: быть Германіи; Германія да будетъ человѣчествомъ.

Но пусть мы ошибаемся; пусть достойный конецъ всемірной исторіи—прусская казарма, хотя бы въ видѣ социаль-демократической республики,—человѣчество не приметъ такого конца и, если нельзя иначе спастись, то лучше погибнетъ, уничтожитъ себя—и хорошо сдѣлаетъ: не стоитъ жить на такой землѣ опоганенной.

Да, нѣмцы «не звѣри», а такіе же люди, какъ мы. Не они звѣри, а въ нихъ звѣрь. И едва ли кто-нибудь улыб-

нется сейчасъ, какъ улыбался недавно, если мы назовемъ этого звѣря Антихристомъ.

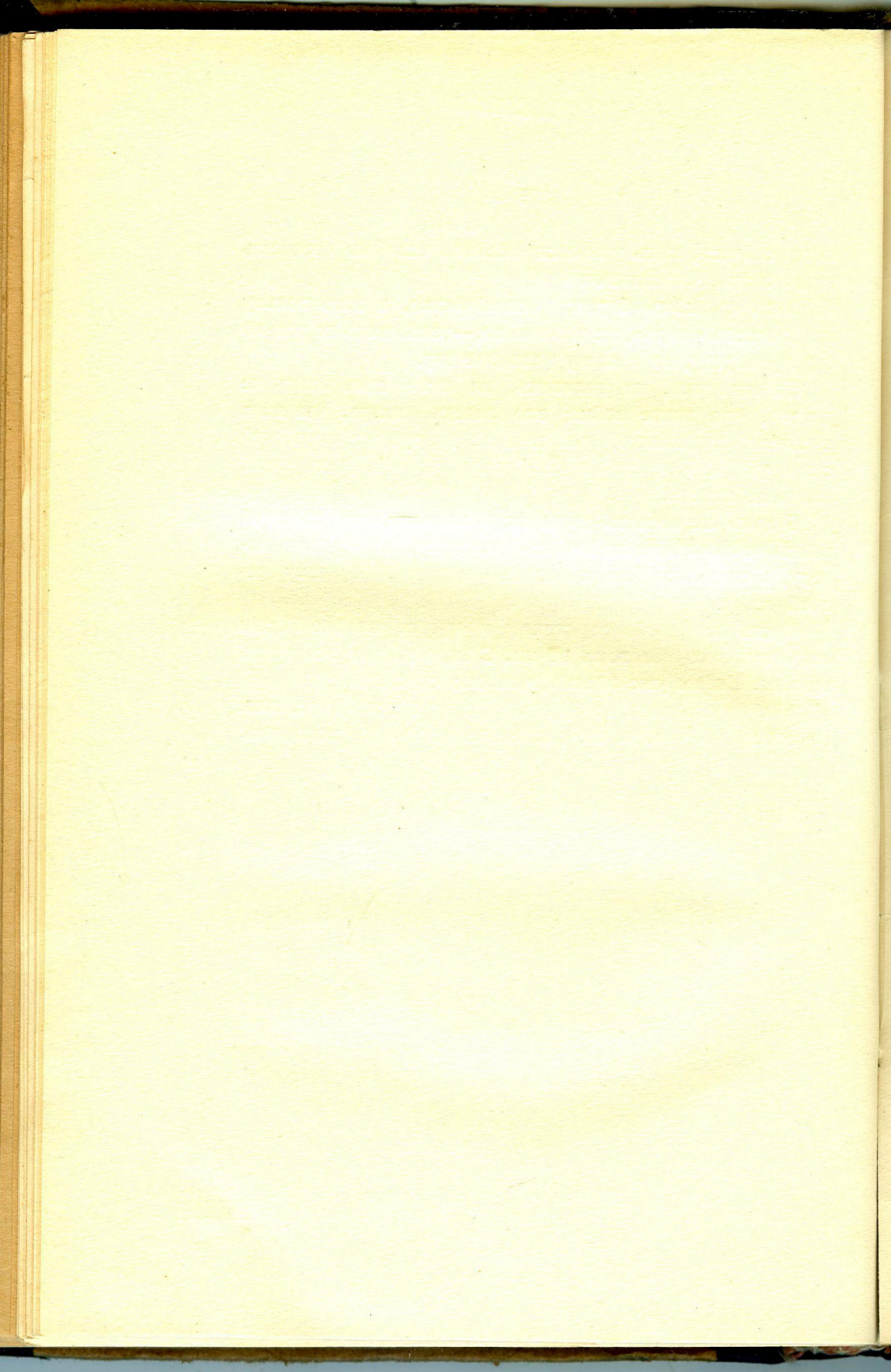
Вотъ съ кѣмъ борется человѣчество, и вотъ почему кто скажетъ «миръ», не побѣдивши,—измѣнникъ не только своему народу, но и всему человѣчеству.

Ни историкъ, ни политикъ, ни даже самъ воинъ не знаетъ, что такое война; это знаетъ пахарь, чья нива выжжена, художникъ, чье созданіе разрушено, мать, чей сынъ убитъ. Но вотъ и они говорятъ: «Не надо мира, война до конца».

Будемъ же воевать до конца и помнить, что въ этой войнѣ побѣдить не любовь къ отечеству, къ своему народу, а только любовь ко всѣмъ народамъ, ко всему человѣчеству.

Пусть же дробится стекло и куется желѣзо Россіи подъ тяжкимъ молотомъ войны. Стекло звенить, молчить желѣзо. Но мы уже знаемъ, что оно скажетъ.

«Не будетъ мира, не будетъ мира, не будетъ мира, пока не побѣдимъ»,—вотъ что скажетъ желѣзо подъ молотомъ.

СОЛОВЬИ НАДЪ КРОВЬЮ

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF TORONTO

«Сухо дерево! Какъ бы не сглазить!» — говорятъ суевѣрные люди, когда при нихъ замѣчаютъ, что больной поправляется.

Однажды, по поводу слуховъ о небывалыхъ побѣдахъ, военныя власти сочли нужнымъ предостеречь русское общество и русскую печать отъ излишняго довѣрія къ подобнымъ слухамъ. Слухи, дѣйствительно, были и довѣріе къ нимъ было. Кажется, увы, не только было, но есть и будетъ.

«Побѣдимъ... побѣждаемъ... побѣдили», «разгромили... уничтожили»... когда это читаешь и слышишь, хочется сказать: «сухо дерево»!

Отъ слова, говорятъ, не станется. Нѣтъ, станется. Мѣра словъ—мѣра чувствъ, мыслей и воли. Не соблюдать мѣры въ словахъ, лгать—значитъ невѣрно думать, невѣрно чувствовать, невѣрно дѣйствовать.

Безумная самонадѣянность и безумный страхъ—двѣ стороны одного и того же. Пораженіе вынести трудно, но побѣду, можетъ быть,—еще труднѣе: легко зарваться, опьянѣть, потерять голову. А что мы къ этому склонны, видно по многимъ признакамъ.

«Я одинъ разъ шель, вечеромъ, отъ всенощной, мимо лавокъ, и сталъ противъ Николы помолиться, чтобы пронесъ Богъ,—потому что у нихъ въ рядахъ злыя собаки; а у купца Ефросина Ивановича въ лавкѣ соловей свищетъ, и сквозь заборныя доски лампада передъ иконой свѣтитъ... Я прилежъ къ щелкѣ поглядѣть и вижу: онъ стоитъ съ ножомъ въ рукахъ надъ бычкомъ,—бычокъ у его ногъ за-

рѣзанъ и связанными ногами брыкается, головой вскидываетъ; голова мотается на перерѣзанномъ горлѣ, и кровь такъ и хлещетъ; а другой телокъ въ темномъ углѣ ножа ждетъ, не то мычить, не то дрожить, а надъ парной кровью соловей въ клѣткѣ яростно свищетъ, и вдали, за Окою, громъ погромыживаетъ. Страшно мнѣ стало»... (Грабежъ», Лѣскова).

Нынѣшній русскій націонализмъ «звѣринаго образа» не напоминаетъ ли этого соловья надъ кровью? Конечно, кровь льется не потому, что поетъ соловей, но всетаки страшно это соловьиное пѣніе надъ кровью.

Въ одномъ газетномъ листкѣ разказанъ анекдотъ о больномъ старомъ нѣмцѣ, котораго никакъ не могли поймать; онъ скрывался въ ночлежномъ домѣ, а когда его и здѣсь настигли, выскочилъ въ окно и разбился,—тутъ его и поймали.

Другой анекдотъ о двухъ сестрахъ старушкахъ, учительницахъ музыки, родившихся въ Россіи и долго жившихъ въ Петербургѣ; когда вышелъ приказъ о выселеніи германскихъ подданныхъ, старушки просили, чтобъ имъ позволили жить въ Гатчинѣ; когда же пришли къ нимъ на квартиру объявить о позволеніи, то увидѣли, что обѣ онѣ повѣсились. Поторопились, бѣдныя: должно быть, наслушались соловьиного пѣнья надъ кровью.

Это пѣніе, хотя и отвратительно, но искренне. А лживая болтовня, «всеоглушающій звукъ надувательства»—еще отвратительнѣе. Самыя святыя, страшныя слова такъ часто повторяются всеу, что теряютъ всякую цѣну.

Новый Хлестаковъ, размѣровъ небывалыхъ, «апокалипсическихъ», лжетъ во всю,—и отравленные ложью листки газетъ—отравленный хлѣбъ, которымъ люди питаются.

Вотъ журналъ съ патріотическимъ заглавіемъ. На одной сторонѣ обложки—Россія, въ видѣ Георгія Побѣдоносца, пронзающаго копьемъ змѣя; на другой—Германія, въ видѣ людоеда, гложущаго кость, а во вступительной статьѣ говорится, что война есть «явленіе порядка сверхчеловѣческаго

Синай, вѣщающій громами новыя заповѣди съ божественной высоты»; что война «все уврачуеть и все рѣшить».

Война, какъ всерѣшающая истина, какъ божественная заповѣдь, какъ религія,—это и есть главная мысль милитаризма германскаго. А если это и главная мысль Россіи, то понятно, почему «мы оказались во всѣхъ смыслахъ духовными рабами нѣмцевъ», какъ говорится въ слѣдующей статьѣ: нѣмцы первые осуществили эту мысль, и намъ остается только у нихъ заимствовать, имъ подражать. Понятно и то, почему «въ душѣ русскаго народа накопилось безконечно-много озлобленія» противъ нѣмцевъ: Синай противъ Синая—милитаризмъ противъ милитаризма: сойди оттуда, чтобы я туда сталъ.

Въ томъ же патріотическомъ журналѣ одинъ извѣстный писатель допрашиваетъ своихъ товарищей, которые, выражая негодованіе противъ «германскихъ звѣрствъ», предостерегаютъ другіе народы отъ «національной гордыни и ненависти»: кто эти народы? ужъ не мы ли русскіе? И забывая то, что сказано въ предыдущей статьѣ о «безконечномъ озлобленіи» русскихъ противъ нѣмцевъ, заявляетъ: «къ гордости нашей я не вижу рѣшительно никакихъ основаній опасаться»: «для идей Европы Россія давно уже сдѣлалась вторымъ отечествомъ, порою лучшимъ, чѣмъ первое». Это значитъ: Россія лучше, просвѣщеннѣе, свободнѣе всѣхъ европейскихъ народовъ. Между тѣмъ какъ эти народы «варятся въ собственномъ соку»,—у насъ, русскихъ, «духъ свободный и широкій»...—Ни одинъ народъ не обладаетъ даромъ такого совершеннаго пониманія красоты и величія», какъ мы. Единственный нашъ недостатокъ—излишняя «скромность, недовѣріе къ себѣ».

Можно быть великимъ и скромнымъ, но нельзя говорить: я скромнѣе и великѣе. Пусть другіе хвалятъ меня, но если я самъ себя буду хвалить, то мнѣ могутъ сказать: гречневая каша сама себя хвалить.

Одинъ юный славянофилъ въ публичной лекціи доказываетъ «по Достоевскому», что всѣ нѣмцы — «не-

христи», а настоящіе христіане, «богоносцы» — только мы русскіе.

«Западъ уже сказалъ все, что имѣлъ сказать. Ех oriente lux. Теперь Россія призвана духовно вести европейскіе народы, на нее возложена страшная отвѣтственность за духовныя судьбы человѣчества», — возвѣщаетъ С. Булгаковъ. «Давно пора... Давно пора говорить такія рѣчи!» восклицаетъ Розановъ, приводя эти слова Булгакова.

«Занимается новый, быть можетъ, послѣдній день всемирной исторіи, — пророчествуетъ Вл. Эрнъ—По предвѣчному плану Создателя міра, съ внезапностью чуда, Россія вдругъ заняла едва ли не первое мѣсто въ начавшемся катаклизмѣ (т. е. въ «послѣднемъ днѣ», въ кончинѣ міра). Она выступаетъ въ роли вершительницы судебъ исторіи... Она должна склониться передъ Промысломъ и Ангелублаговѣстителю отвѣтить: «Се, раба Господня, да будетъ мнѣ по слову твоему!».

Извѣстный писатель можетъ быть доволенъ: если мы страдали донинѣ «излишнею скромностью», то теперь отъ нея освобождаемся. Другой писатель, неизвѣстный, увѣряетъ, что вовсе не какая либо часть Германіи, а «*весь народъ ея озвѣрѣлъ, оскотинѣлъ...* Вся она—точно насосавшійся клопъ»...

«Помимо Гете (но Гете въ теперешней Германіи угасъ), ихъ всѣхъ можно бы вытолкнуть изъ человѣческаго общезжитія»—рѣшаетъ В. Розановъ («Война 1914 года», стр. 148) и отсюда дѣлаетъ выводъ: «Бей нѣмца по мордѣ—штыкомъ, кулакомъ, плетью, палкою—чѣмъ ни попало!» («Нов. Время»). Читая такія воззванія, «Таймсъ» ужаснулся и благоразумно замѣтилъ; что «поголовное избіеніе 60-ти миллионъ людей», по меньшей мѣрѣ, «фантастично».

«Вдругъ *все легло плашмя*; я не могу иначе назвать ту совершенную перемену тона газетъ и журналовъ, которые, вчера западническіе, — сегодня повторяютъ славянофильство»—умиляется В. Розановъ («Война», стр. 55).

Да, «все легло плашмя». И всякое тихое слово въ этомъ неистовомъ хорѣ кажется «измѣной отечеству». Только стономъ стоитъ соловьиное пѣнье надъ кровью.

«Мы находились во власти стремительнаго наплыва чувствъ, не огражденнаго плотиною разума. Это было безпредѣльное самовозвеличеніе передъ всѣми другими народами... Но возникаетъ вопросъ, какую пользу намъ принесла наша ненависть къ нимъ»? (Отвѣтъ депутата рейхстага, Вольфганга Гейне на статью Зомбарта).

Это сказано нѣмцемъ о Германіи. Хотѣлось бы вѣрить, что этого нельзя сказать о Россіи.

Самовозвеличеніе русскому простому народу несвойственно. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, простъ. Что простота,—не такъ называемое «смиреніе», «униженіе паче гордости», а именно простота—сущность народнаго русскаго духа,—это видно по такимъ великимъ и самобытнымъ явленіямъ его, какъ Пушкинъ, Л. Толстой, Петръ.

Русскіе люди «оказались во всѣхъ смыслахъ духовными рабами нѣмцевъ»? И нашъ бунтъ противъ нихъ—только бунтъ рабовъ? Если это правда для тѣхъ изъ насъ, кто заразился отъ своихъ «духовныхъ господъ», нѣмцевъ, страшную чумою національной гордыни и ненависти, то это—клевета на русскій народъ.

«Гимназистомъ отъ покойнаго брата я слышалъ однажды разсказъ, что въ войскахъ гвардіи есть одинъ особенный полкъ: въ него набираются исключительно солдаты непомѣрной величины и чтобы лицо было непременно уродливое... что нибудь *свирѣпое*, какой нибудь носъ, глазищи,—и тогда годенъ,» — вспоминаетъ В. Розановъ. И вотъ однажды увидѣлъ онъ *тотъ* полкъ, нескончаемую вереницу тяжелыхъ всадниковъ... «Идутъ, идутъ, идутъ... И не кончаются... Стройные, стойкіе, огромные, безобразные... Произошло странное явленіе: преувеличенная *мужественность* того, что было передо мною, какъ бы измѣнило структуру моей организациі и отбросило, опрокинуло эту организацию—въ женскую. Я почувствовалъ необыкновенную

нѣжность, сонливость и истому во всемъ существѣ. Сердце упало во мнѣ—любовью... Мнѣ хотѣлось бы, чтобы они были еще огромнѣе, чтобы ихъ было еще больше... Чувство мое относилось къ массѣ, притомъ *столько же людей, какъ и лошадей* (т. е. звѣрей: тутъ и люди—звѣри; человѣческое переходитъ въ звѣриное. *Д. М.*). — Этотъ колоссъ физиологіи, колоссъ жизни вызвалъ во мнѣ чисто женственное ощущеніе безвольности, покорности и ненасытнаго желанія «побыть вблизи»... Определенно, это было начало влюбленія дѣвушки... Я вернулся домой, весь въ трепетѣ... Мнѣ казалось, я соприкоснулся съ нѣкоторою тайною міра... Передамъ, какъ она сказала у меня въ шопотахъ: «Что женская красота, «милое личико» и т. под.? *Сила*—вотъ одна красота въ мірѣ... *Сила*,—она покоряетъ, передъ ней падаютъ, ей наконецъ *молятся*... Въ силѣ лежитъ тайна міра, такая же, какъ «умъ», такая же, какъ «мудрость»... Можетъ быть, даже такая же, какъ «святость». Но суть ея—не что она можетъ «дробить», а другое. Суть ея—въ очарованіи. Суть, что она *привлекаетъ*. Силою солнце держитъ землю, луну и всѣ планеты. Не «свѣтомъ» и не «истиною», а что оно *огромнѣе* ихъ. *Огромное, сильное*....

«Голова была ясна, а сердце билось... Какъ у женщинъ.

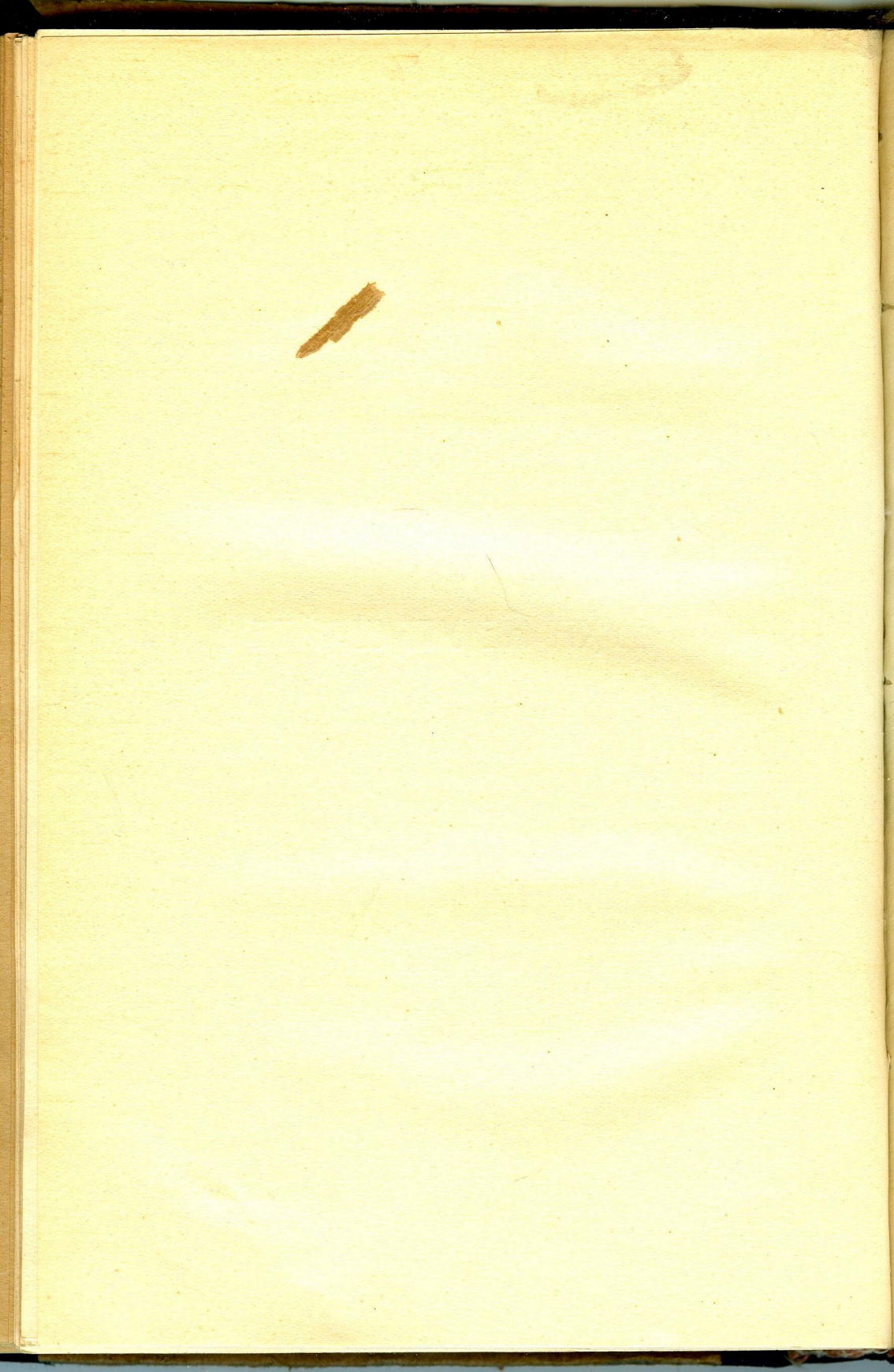
«Суть арміи, что она всѣхъ насъ превращаетъ въ женщинъ, слабыхъ, трепещущихъ, обнимающихъ воздухъ... И почти скажешь словами Пѣсни Пѣсней: «Гдѣ мой возлюбленный?... Я не нахожу его... Я обошла городъ и не встрѣтила его». (Война, 230—234).

Такъ вотъ въ чемъ «тайна міра»—не въ красотѣ, не въ благи, не въ истинѣ, а въ уродствѣ, во злѣ, въ свирѣпости, въ животности, звѣриности. Вотъ чему надо «молиться», какъ Богу. И воплощеніе этого Бога—въ войскѣ и войнѣ —«военщинѣ», «милитаризмѣ».

Это, пожалуй, не ново. Всѣ нѣмецкіе матеріалисты и милитаристы (милитаризмъ—отъ матеріализма) говорили и дѣлали то же самое. Тутъ новизна только въ *безстыдствѣ*.

И вотъ о чемъ поютъ наши соловьи надъ кровью...

ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ

Хватить ли зарядовъ для пушекъ, хлѣба для голодныхъ, перевязокъ для раненыхъ? Это, въ послѣднемъ счетѣ, вопросъ культуры. Что культура для войны,—мы еще помнимъ; но что война для культуры—уже почти забыли.

Не солдаты на поляхъ сраженій, а мы, люди культуры,—первые раненые. Вынута связь изъ всѣхъ культурныхъ цѣнностей, какъ нитка изъ жемчуга,—и ожерелье разсыпалось. Все обезцѣнено, обезсмыслено. Праздность, ненужность труда такъ очевидны, что дѣло изъ рукъ валится. Для кого? Для чего? Двѣ строки военной телеграммы значительнѣе всѣхъ созданій Гете и Пушкина.

Культура во время войны—пиръ во время чумы. Что «земля святыхъ чудесъ» опустошается, это еще съ польгоря; самоопустошеніе, саморазрушеніе духа—вотъ что всего ужаснѣе.

Слой культуры, прикрывавшій, какъ хрупкій весенній ледокъ, омуть варварства, оказался тоньше, чѣмъ люди думали. Сохраняя всѣ пропорціи, можно сказать, что такое пониженіе культурнаго уровня, какое сейчасъ грозитъ европейскому человѣчеству, происходило только во времена нашествія варваровъ; но тамъ—извнѣ, а тутъ—изнутри. И не какая-нибудь часть культуры, а вся она угрожаема.

Неизвѣстно, чѣмъ это кончится,—вотъ чувство, въ которомъ мы сами себѣ еще не смѣемъ дать отчета. Похоже на кончину міра. Незвѣстно, чѣмъ кончится, потому что убыль культуры—еще не конецъ, а только на-

чало конца, предвѣстіе, какъ убыль воды въ колодцахъ передъ землетрясеніемъ.

Пожеланія Руссо и Толстого исполняются, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ они сами понимали ихъ,—„опрощеніе“, «возвращеніе къ природѣ». И до чего оно дойдетъ, опять неизвѣстно. «Широкъ человѣкъ, слишкомъ широкъ,—я бы сузилъ!» — это пожеланіе тоже исполняется. Человѣкъ сузился, оскудѣлъ, обнищалъ. Блаженны нищіе духомъ. Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чѣмъ воевать богатому,—разумѣется, духовно-богатому.

Сокровища духа сметаются, какъ никуда негодный хламъ. «Пусть горитъ,—лучше выстроить»,—этимъ погорѣльцы не утѣшены; но въ пожарѣ, который сейчасъ происходитъ, какъ будто нѣтъ погорѣльцевъ,—у всѣхъ горитъ чужое.

«Среди оружія Музы молчатъ»? Нѣтъ, кричатъ: «Эванъ Эвоэ!» какъ буйныя вакханки, разрывая на части Орфея.

Если пока Россія спасается, то лишь внутренними, «субъективными формами мышленія»—пространствомъ и временемъ. Мы выносливѣй, потому что медлительнѣй.

Было двѣ Россіи, а теперь—одна. Одна ли,—въ этомъ весь вопросъ—вопросъ о правѣ на существованіе русской интеллигенціи, какъ представительства народнаго сознанія и народной совѣсти.

Что такъ называемое «*объединеніе*» произошло слишкомъ легко и стремительно,—въ этомъ, увы, тоже едва ли можетъ быть сомнѣніе. Нѣтъ ни іудея, ни эллина; но есть варваръ и эллинъ, рабъ и свободный. Главное дѣло сознанія и совѣсти не заключается ли именно въ *отдѣленіи* эллинства отъ варварства, истиннаго отъ ложнаго?

Ложная любовь хуже, чѣмъ ненависть. Что любовь русской интеллигенціи къ родинѣ оказалась неложною, это могло быть неожиданнымъ не столько для слѣпыхъ, сколько для ослѣпившихъ себя добровольно.

Невозможность любить родину иначе, какъ любовью ненавидящей—такова трагическая безъисходность въ судь-

бахъ одной изъ двухъ Россій. А переходъ любви ненавидящей въ любовь любящую сложенъ и мучителенъ. Упрощаемъ ли мы или скрываемъ сейчасъ эту сложность,—въ обоихъ случаяхъ—ложь, и хуже всего, что эта ложь не за страхъ, а за совѣсть...

Безтолковые люди безтолково мечутся. Это грустно, но еще грустнѣе то, что и люди умные теряютъ голову. Молчать, когда нельзя молчать, или говорить, чего нельзя говорить.

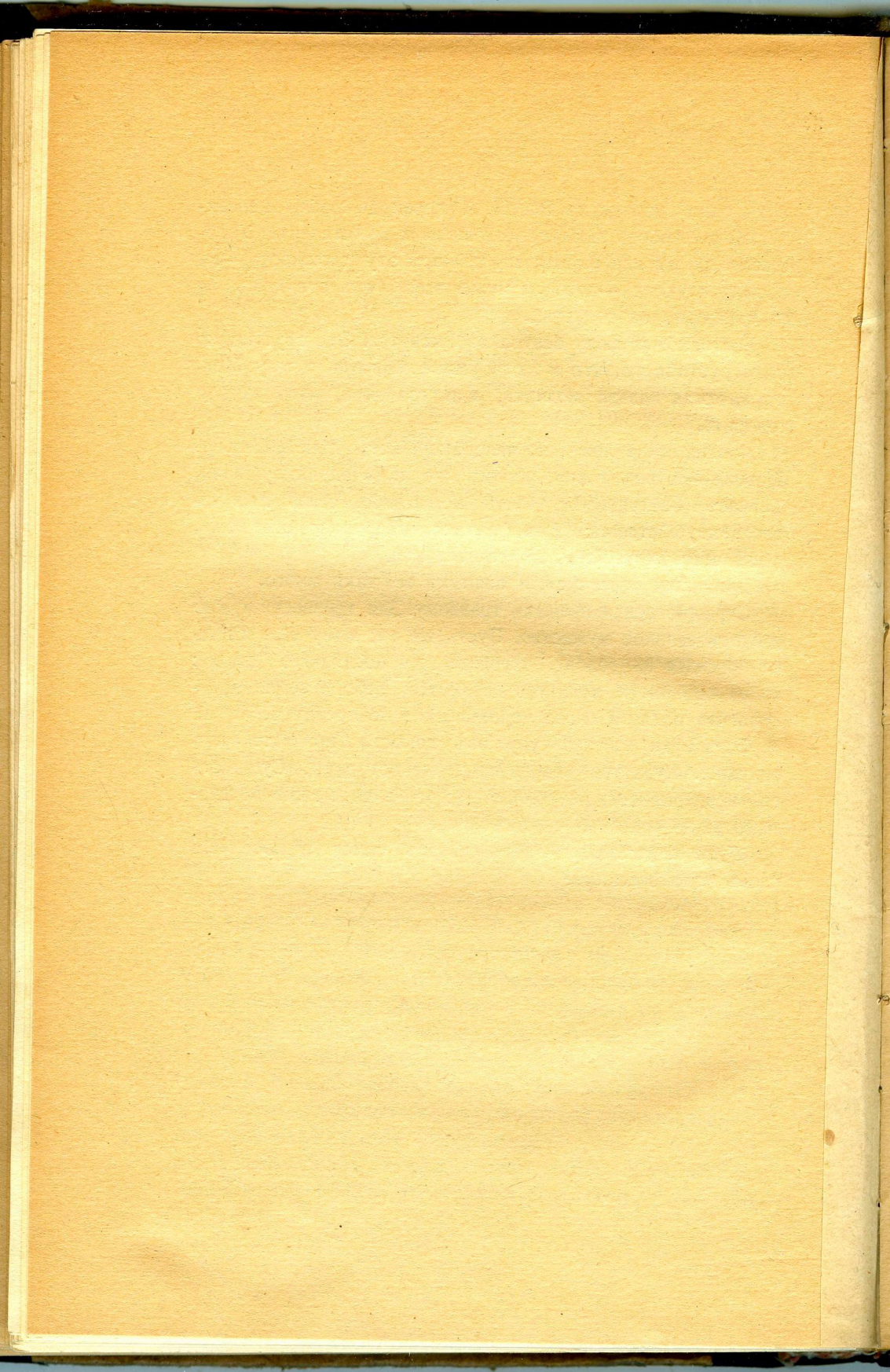
Фантастична ложь, но человѣкоубійство дѣйствительно. Діаволь—«отецъ лжи», но онъ же и «человѣкоубійца». Сейчасъ неотразимѣе, чѣмъ когда-либо, связь лжи съ человѣкоубійствомъ: чѣмъ фантастичнѣе, призрачнѣе ложь, тѣмъ человѣкоубійство дѣйствительнѣе.

Дни наши «резвые», а пьяныхъ все-таки много.

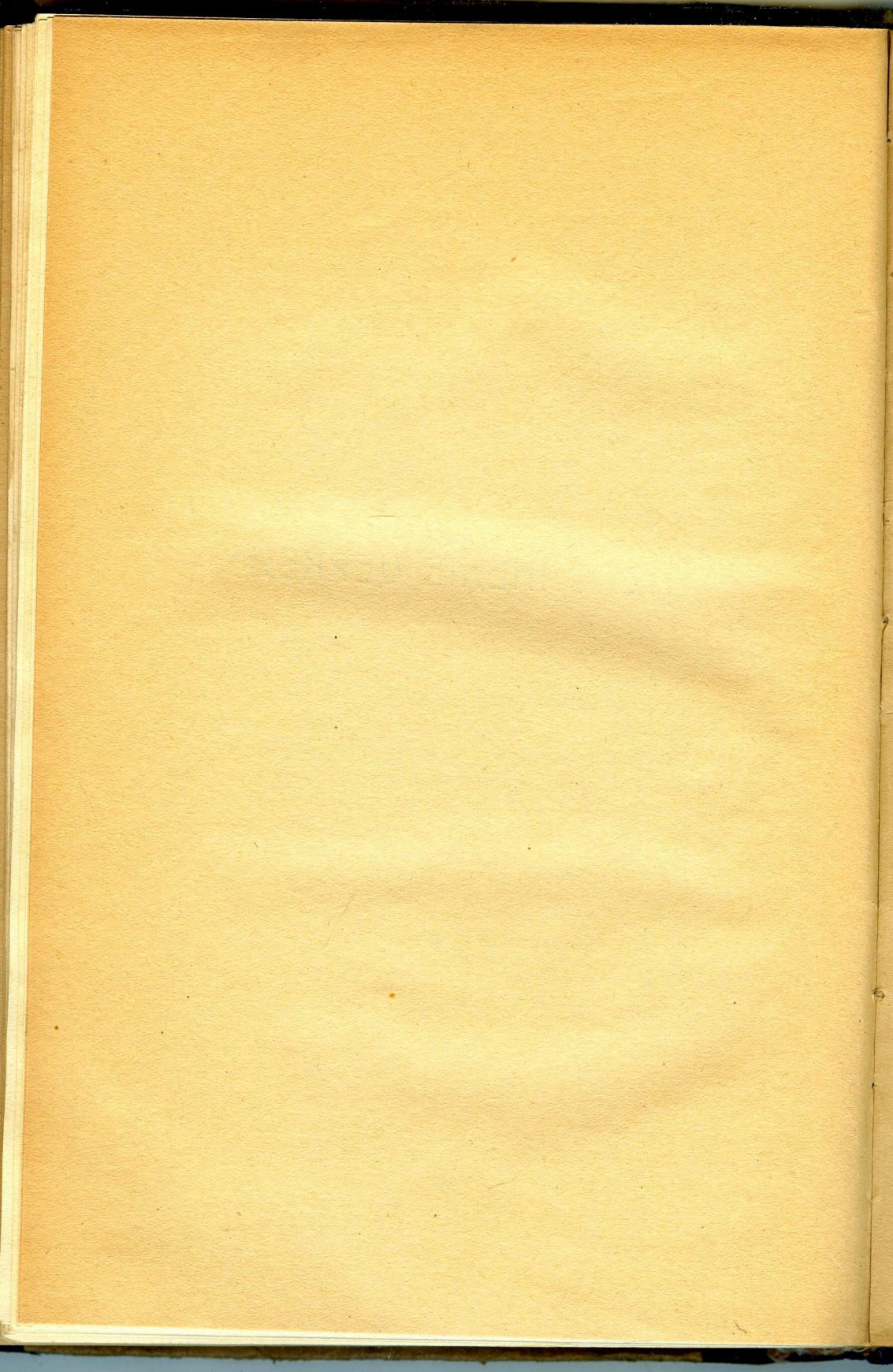
Страшно среди пьяныхъ трезвому. Для трезвости нужно сейчасъ великое мужество. Пусть же тѣ, кому еще хмѣль не бросился въ голову, твердятъ до послѣдняго вздоха: война окончится, культура останется; небо и земля прейдутъ, но мысль и слово человѣческое не прейдутъ.

Есть пути въ культуру изъ дикости, но нѣтъ—изъ одичанія. Культура невозвратна, неповторима. Сущность ея—непрерывность, неугасимость: огонь ея можно поддерживать, но угасивъ,—не зажжешь.

Духа не угашайте,—вотъ сейчасъ самое нужное изъ словъ человѣческихъ.

ИСПОЛНЕНИЕ ЦЕРКВИ

Кто видѣлъ Утреннюю, бѣлую,
Средь расцвѣтающихъ небесъ,
Тотъ не забудетъ тайну смѣлую—
Обѣтованіе чудесъ.

Какая идея для современныхъ среднекультурныхъ людей самая невмѣстимая, непредставимая, какъ четвертое измѣреніе непредставимо для обитателя трехъ измѣреній? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, не задумываясь: идея церкви, свободнаго и любовнаго соединенія людей въ Богѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое церковь для среднекультурнаго человѣка нашихъ дней? Въ лучшемъ случаѣ—великолѣпный археологическій памятникъ, а въ худшемъ—неубранный хламъ или тотъ снѣгъ на днѣ оврага весною, который не хочетъ таять, когда все уже растаяло. Убѣжище темныхъ душъ, еще не рожденныхъ къ свѣту сознанія или умершихъ заживо. Мѣсто великаго заустѣнія—„обиталище для всякой нечистой птицы“, какъ говоритъ пророкъ о Сіонѣ разрушенномъ. Стоитъ упасть лучу на дно оврага,—и снѣгъ растаетъ; стоитъ просвѣтить темныя души,—и церковь исчезнетъ.

Давно уже миновало то время, когда среднекультурные люди сердились или страшились, слушая разговоры о церкви; теперь они только скучаютъ и не понимаютъ, какъ можно говорить серьезно о такихъ пустякахъ.

И вотъ, чтобы, зная все это, утверждать, что идея церкви принадлежитъ необозримое будущее, что это—величайшая изъ всѣхъ человѣческихъ цѣнностей, тотъ ка-

мень, отвергнутый строителями, который сдѣлается главою угла,—чтобы это утверждать, нужна большая смѣлость и, можетъ-быть, больше, чѣмъ смѣлость,—то „святое безуміе“, которое сынамъ вѣка сего кажется обыкновеннымъ „юродствомъ“.

Такимъ «юродствомъ», или святымъ безуміемъ, полна книга А. В. Карташева, записанная рѣчь, произнесенная въ 1916 году въ собраніи религиозно-философскаго общества: *«Реформа, реформація и исполненіе церкви»*. (Изд. «Корабль»—«Огни», 1916 г.).

Карташевъ сознаетъ свое «безуміе». «Я отлично сознаю, что всякая попытка построить рѣшеніе одного изъ великихъ философскихъ или религиозныхъ вопросовъ на идеѣ и фактѣ церкви страшно далека отъ пониманія современнаго общества». «Что такое христіанство, и что такое церковь,—объ этомъ твердыхъ понятій въ обществѣ почти не существуетъ». Тутъ «страна полуоткрытая», а можетъ-быть, и вовсе неоткрытая, новая Америка, ожидающая новаго Колумба.

Да, Карташевъ себя не обманываетъ, онъ сознаетъ что идея церкви встрѣчаетъ линію наибольшаго сопротивленія въ современной европейской культурѣ, что вся она противъ этой идеи не только эмпирически, явнымъ ликомъ, но и мистически, тайнымъ духомъ своимъ.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, Карташевъ сознаетъ, что онъ въ этой борьбѣ не одинъ. Все прошлое той же европейской культуры, которая пусть отпала отъ церкви, но недаромъ же вышла изъ нея, пусть блудная, но все же родная дочь своей матери,—тутъ съ нимъ. И если бы даже все настоящее Европы измѣнило своему прошлому окончательно, то все будущее Россіи, вся религиозная сила русскаго народнаго духа, которая сказала въ великой русской литературѣ, тутъ все-таки съ нимъ, съ борющимся за идею церкви. И пусть Толстой слѣпъ для этой идеи, а Достоевскій хуже чѣмъ слѣпъ—полузрячъ, видитъ ее искаженнымъ зрѣніемъ; но оба титана, слѣпой и полузрячій

несутъ на плечахъ своихъ,—сами не видя что,—все тотъ же камень, отвергнутый строителями, который сдѣлается главою угла.

«Если ваши земледѣльцы-богатыри вытаскиваютъ изъ нѣдръ сознанія какіе-то неотшлифованные самоцвѣты, можетъ-быть, невзрачные на взглядъ европейца и ничего еще не говорящія его уму, то это еще не доказательство, что въ нихъ дѣйствительно нѣтъ ничего идейно-новаго... Я не завидую тѣмъ уже упоеннымъ до полного убѣжденія въ предѣльности, вершинности своей культуры и философіи европейцамъ, которые откровеній нашихъ великихъ прозорливцевъ не знаютъ, а еще печальнѣе, если и понять не могутъ... Ничуть не превозносясь до приравниванія себя къ нашимъ великанамъ, Достоевскому и Толстому, мы только просимъ позволенія хоть отчасти уподобить ихъ непонятности трудность нашего положенія передъ лицомъ европейски-вышколенныхъ слушателей, когда мы выдвигаемъ идею церкви. Безъ сомнѣнія, когда, ориентируясь на эту идею, будутъ написаны и теорія познанія, и логика, и этика, и философія религіи, и всѣ другія философскія дисциплины, тогда конечно, легко будетъ говорить. А пока мы знаемъ, что слухъ интеллигентнаго общества для многихъ истинъ непроницаемъ, и простое довѣрительное изложеніе многихъ, казалось бы, элементарныхъ вещей встрѣчаетъ громадныя теоретическія предубѣжденія». И если бы только «теоретическія», умственные, — нѣтъ, и сердечныя, кровныя, кровавыя.

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.

Вотъ что надо сдѣлать съ современнымъ среднекультурнымъ человѣкомъ, чтобы онъ понялъ, что такое церковь.

«Всѣ наши упованія мы упираемъ въ твердый камень церкви, внѣдряемъ въ плерому (божественную полноту) этого догмата. Въ его неисчерпаемой полнотѣ должны

найтись всё пути, всё средства къ разрѣшенію жизненныхъ вопросовъ вѣры, человѣческаго общежитія и всего космоса».

«Нѣчто странное ты влагаешь намъ въ уши»,—могли бы отвѣтить современные аѳиняне на эту Павлову проповѣдь. И не только странное, но и страшное. Вѣдь, если понять до конца всю остроту вопроса о церкви, то возникаетъ, въ самомъ дѣлѣ, страшный выборъ: или исполненіе церкви, Царства Божьяго на землѣ, или царства звѣря, гибель міра, всей европейской культуры, второй Атлантиды, уже не въ водѣ, а въ крови; первыя волны этого кроваваго потопа мы уже видимъ сейчасъ.

Но самъ Карташевъ иногда какъ-будто нарочно или нечаянно притупляетъ рѣжущую остроту вопроса, заглушаетъ трагическій ужасъ выбора. Если не въ мысляхъ, то въ словахъ его есть одна неясность, очень опасная. Слово «церковь» онъ употребляетъ въ двухъ смыслахъ, смѣшивая или, по крайней мѣрѣ, недостаточно раздѣляя эти два смысла: церковь — какъ исторически-данное, и церковь — какъ пророчески-чаемое; какъ то, что есть, и какъ то, что будетъ. Исторически-данная церковь, хотя и притязающая на единство и вселенность, но въ дѣйствительности распавшаяся на двѣ церкви помѣстныя—западную и восточную, и грядущая церковь, воистину единая и вселенская, это—не одно существо въ двухъ состояніяхъ,¹⁴ на двухъ ступеняхъ развитія, а два разныхъ существа. Черту, раздѣляющую эти два понятія церкви, надо провести рѣзче, неизгладимѣе, неумолимѣе, чѣмъ это дѣлаетъ самъ Карташевъ, для того, чтобы понять его какъ слѣдуетъ.

Мы еще вернемся къ этой неясности, но предупредить о ней слѣдовало тотчасъ же,—иначе все дальнѣйшее можетъ быть хуже, чѣмъ не понято,—понято ложно, прератно, можетъ оказаться водою на чужую мельницу.

Религіозный духъ реформаціи, проникавшій всю современную европейскую культуру,—вотъ въ чемъ видитъ Карташевъ главную причину того, что идея церкви современ-

ному человѣку такъ непонятна. «Общепризнанный теперь взглядъ всѣхъ социальныхъ философовъ на религію какъ на тайную область человѣческаго духа (Privatsache) есть прямой и характерный плодъ реформаціи, совершенно упраздняющій церковное христіанство». «Самый глубокой и чистый принципъ реформаціи—полное одиночество религіозной личности передъ Богомъ».

Реформація знаетъ «лишь одно религіозное измѣненіе—въ глубину, лишь одну бѣдную линію—отъ Бога къ человѣческой душѣ».

Продолжимъ эту мысль Карташева, чтобы выяснитъ ее до конца.

Церковь утверждаетъ соединеніе людей—общество въ Богѣ; реформація утверждаетъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ Богѣ, а соединеніе людей—общество безъ Бога.

Можетъ-быть, религія въ человѣчествѣ—величина болѣе постоянная, чѣмъ обыкновенно думаютъ; можетъ-быть, религіозная теплота души человѣческой всегда одинакова, какъ теплота глубокихъ водъ. Богъ есть то, чѣмъ люди живы, и пока они живы, есть у нихъ Богъ, хотя они сами не знаютъ Его. Можетъ-быть, и въ современномъ культурномъ обществѣ измѣнилось не количество, а качество религіозной энергіи. Въ церкви люди шли вмѣстѣ къ Богу; теперь къ Богу идетъ человѣкъ, когда онъ одинъ, а когда люди вмѣстѣ, они идутъ къ чему угодно, только не къ Богу. Богъ ушелъ внутрь человѣка, а между людьми не стало Бога.

Реформація, уничтоживъ церковь—соединеніе людей въ Богѣ, очистила мѣсто для государства—соединенія людей безъ Бога. Никогда еще государство не было такимъ абсолютнымъ, единственнымъ, какъ въ наши дни. Въ средніе вѣка рядомъ съ государствомъ была церковь. Вся современная европейская культура выковывалась между церковью и государствомъ, какъ между наковальной и молотомъ. Но наковальня разбилась въ дребезги, и остался одинъ молотъ, уже не кующій, а дробящій, сокрушающій.

Средневѣковую церковь обвиняють въ жестокости, въ кстрахъ и пыткахъ инквизиціи. Современнаго государства никто ни въ чемъ не обвиняетъ. Но если бы сотая доля тѣхъ жертвъ, которыя приносятъ сейчасъ государству, принесены были церкви, то давно уже на землѣ наступило бы Царствіе Божіе.

Никогда еще государство не было такъ подобно церкви, какъ въ наши дни. Каждая національная церковь хочетъ быть вселенскою, и каждое національное государство тоже. Эта міровая война и есть война государствъ національных за государство всемірное.

Церковь—самое огненное изъ чудесъ; государство—«самое холодное изъ чудовищъ». Государство—оборотень церкви.

Государство сдѣлалось церковью,—оттого-то и не можетъ понять современный человѣкъ, насквозь государственный, что такое церковь.

Тутъ хитрость дьявола: онъ загналъ Бога въ самый темный, тайный уголъ души человѣческой, чтобы завладѣть сначала всѣмъ остальнымъ міромъ, а потомъ и душой человѣческой, потому что ей все-таки некуда уйти изъ міра. И, судя по тому, что сейчасъ происходитъ въ мірѣ, хитрость эта удалась или почти удалась: Богъ—«частное дѣло» (Privatsache) cadaго человѣка въ отдѣльности, а общее дѣло всего человѣчества въ лапахъ дьявола. Каждый въ одиночествѣ спасается, а всѣ вмѣстѣ гибнутъ. И если такъ дальше пойдетъ, то можно сказать съ увѣренностью: никто не спасется.

Одна причина ухода человѣчества изъ церкви—религіозный индивидуализмъ, порожденный реформаціей—то, что происходитъ внутри культуры; другая причина—то, что происходитъ внутри самой исторической церкви.

«Все недвижимое, не творящее исторіи еще подвластно, по инерціи, церкви; но все творчески-живое, передовое, носящее на себѣ печать молодости и таящее въ себѣ залогъ будущаго не можетъ помѣститься въ церковь и вы-

ходитъ изъ нея». «Духовный разрывъ съ церковью идетъ по линіи вопросовъ, извѣстныхъ каждому культурному человѣку. Всякій знаетъ, что онъ не находитъ въ церкви удовлетворенія своему разуму, своей свободѣ, своему творчеству и освобожденію общественному». «Причина этого разрыва не въ одномъ грѣхѣ и своеволіи человѣчества, но и въ требованіи высшей религіозной истины. Всѣ пріобрѣтенія человѣческаго сознанія въ исторіи, все углубленіе и обновленіе стоящихъ передъ нимъ философскихъ, социальныхъ и религіозныхъ задачъ не можетъ быть имъ оставлено, забыто по существу. Этихъ вѣчно растущихъ требованій человѣческаго духа нельзя у него отнять ни священными угрозами, ни священными ласками».

«Въ церкви изсякло пророчество. Она обезкрылѣла подъ абсолютною властью священства, стала всяцѣликомъ старообрядческой, утратила радость буревѣстника, летящаго впереди огня, палящаго старую землю и старое небо. Въ церкви осталась, слезами умиленія и восторга напоенная, радость примиренія съ тлѣннымъ и преходящимъ образомъ міра сего, но радости творческаго разрушенія и созиданія въ ней нѣтъ. И люди идутъ въ церковь поплакать въ горѣ или радости, творить же идутъ въ открытыя поля, подъ солнечный куполь небесъ, и тамъ вдыхаютъ живительный воздухъ пророческой эсхатологіи» (откровенія о послѣднихъ судьбахъ міра).

«Если такъ, то что же сдвинетъ церковь съ мѣста?».

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ послѣднія страницы книги, воистину огненные, пророческія, небывалыя въ русской литературѣ со временъ Чаадаева. Надо прочесть цѣликомъ эти страницы; жалко вырывать изъ нихъ отдѣльныя слова, отдѣльные звуки этой великолѣпной симфоніи. Слова записанной рѣчи—ноты несыгранной музыки. Но тѣ, кто слышалъ рѣчь Карташева, никогда ея не забудутъ. Художественная красота, алмазная ясность, алмазная твердость, можетъ быть, ея наименьшее достоинство; можетъ-быть, слушатели даже совсѣмъ не увидѣли этой красоты, какъ

жаждущіе не видятъ красоты сосуда, изъ котораго пьютъ.

«Человѣческое сердце, пророческое по преимуществу,— вотъ вѣчный, неизсякаемый ключъ всѣхъ религій и всяческаго религіознаго творчества. Итакъ, въ церкви должно воскреснуть пророчество»,—отвѣчаетъ Карташевъ на вопросъ объ исполненіи церкви. Въ душѣ человѣческой не изсякъ источникъ пророчества. «Церковь только проглядѣла, куда оно ушло». Духомъ пророческимъ «сейчасъ дышитъ все человѣчество внѣцерковное и внѣрелигіозное». «Безъ религіи человѣчество перестраиваетъ землю, созидаетъ новый міръ и чувствуетъ, что здѣсь съ нимъ, въ этомъ творческомъ порывѣ благодать будущаго». Не изсякъ источникъ пророчества. «Онъ ширится и несетъ бурнымъ потокомъ, выбившись изъ береговъ церкви... Надо его слить со встрѣчнымъ церковнымъ томленіемъ о пророчествѣ. Надо приѣмникъ пророчества у церкви вскрыть, чтобы и тамъ оно загремѣло о томъ же, о чемъ гремитъ въ человѣческихъ душахъ».

«Итакъ,—заключаетъ Карташевъ,—религіозныхъ чаяній человѣчества не могутъ удовлетворить никакія реформы и реформаціи церквей, а также какое недвижимое стояніе на камнѣ Петровомъ»—на камнѣ священства. «Только на крыльяхъ пророческой благодати духа, дышащаго въ мірѣ, гдѣ онъ хочетъ, черезъ опытъ всѣхъ церквей, черезъ историческій подвигъ всего культурнаго человѣчества, черезъ разсѣянный одинокій религіозный опытъ, даже черезъ опытъ всѣхъ религій люди соединятся въ лонѣ единой, воистину вселенской церкви, которая приведетъ ихъ къ порогу царства Христова на землѣ. Тогда смутныя чаянія человѣчества и молитвенное устремленіе церкви сольются воедино въ чудесномъ исполненіи».

«Вы ищете чего-то новаго въ церкви, но въ какой же? Въ предѣлахъ православной церкви или за ея предѣлами?»—этотъ вопросъ предложенъ былъ Карташеву однимъ изъ слушателей, католическииъ священникомъ.

На прямой вопросъ надо отвѣтить прямо. Карташевъ отвѣчаетъ уклончиво. Тутъ у него опять та неясность, недосказанность, о которой я уже говорилъ: смѣшеніе или недостаточное раздѣленіе двухъ смысловъ въ словѣ «церковь»,—можетъ-быть, единственная мутная и слабая точка во всей рѣчи, но именно здѣсь и не должно быть слабости; здѣсь должна быть твердость непоколебимая, ибо точка эта и есть точка опоры для того рычага, которымъ идея церкви поднимается и вдвигается въ исторію.

«Невозможно увидѣть лицо еще не рожденнаго младенца»,—оправдываетъ Карташевъ эту неясность. Лицо младенца нерожденнаго увидѣть нельзя, но лицо матери можно. Кто же мать грядущей церкви вселенской? Одна изъ церквей историческихъ или всѣ онѣ вмѣстѣ, или же, наконецъ, внѣцерковная стихія человѣчества? Карташевъ этого не знаетъ и не хочетъ знать. Онъ отвѣчаетъ нерѣшительно: «Пророческое творчество въ церкви какъ-будто мыслится переливающимся за грани канонической дисциплины (власти священства). Какъ-будто рисуется внѣшній расколъ, новое вѣроисповѣданіе». «Какъ-будто»,—этого достаточно для мысли, но не для воли; для созерцанія, но не для дѣйствія.

Власть священства въ церкви абсолютна. Надо ли возстать на эту власть во имя, пророчества? «Какъ-будто» надо,—отвѣчаетъ Карташевъ. Но съ такимъ отвѣтомъ кто же возстанетъ? Тутъ, какъ во всѣхъ вопросахъ воли,—а безъ воли какое же творчество—не должно быть сомнѣній. Тутъ или—или. Пока есть «какъ-будто», нѣтъ воли, нѣтъ дѣйствія.

«Исторія скорѣе всего навѣваетъ ожиданіе трагедіи, а не идилліи»,—продолжаетъ Карташевъ сомнѣваться. Неужели только «навѣваетъ»? Неужели сейчасъ въ исторіи въ той міровой катастрофѣ, которая происходитъ на нашихъ глазахъ, только вѣяніе, а не ураганъ? Неужели можно еще сомнѣваться, что это: «идиллія» или «трагедія»?

«Въ церкви должно воскреснуть пророчество». Легко сказать! Но, вѣдь, Карташевъ знаетъ, что священство и пророчество «антиномичны въ религіи», непримиримы. Поэтому-то историческая церковь и лишилась духа пророческаго, что священство въ ней возобладало надъ пророчествомъ. «Пророкъ священнику страшенъ своимъ духомъ». Онъ чуетъ въ немъ «бѣса». «Въ этомъ чловѣкѣ бѣсъ» — доннѣ говоритъ священникъ о пророкѣ, какъ сказано было нѣкогда о томъ, Кто больше всѣхъ пророковъ.

«Надо пріемникъ пророчества у церкви вскрыть, чтобы и тамъ оно загремѣло о томъ же, о чемъ гремитъ въ чловѣческихъ душахъ». Тоже легко сказать. Да есть ли такой пріемникъ у церкви исторической? И если даже есть, не разлетится ли онъ въ дребезги отъ этихъ громовъ?

Нѣтъ, Камень Петровъ никакой бурей пророческой не сдвинется. И чѣмъ неподвижнѣе, незыблемѣе, тѣмъ святѣе, вѣрнѣе своему назначенію, ибо назначеніе церкви Петровой — не творить, а хранить и передавать сотворенное. Въ передаваніи, въ преданіи — вотъ въ чемъ святость этой церкви, а не въ пророчествѣ. Пронести черезъ всѣ вѣка и народы ликъ Христа неизмѣняемый, — развѣ этого мало? Безъ церкви исторической мы бы даже и не знали, что такое Христось.

На окраинахъ этой церкви, обращенныхъ къ будущему, свѣтъ Христовъ меркнетъ, и церковь уже не видитъ, куда идетъ, куда ее ведутъ. «Другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь». Двѣ ложныя теократіи, двѣ подмѣны Христа, — западнымъ первосвященникомъ и восточнымъ кесаремъ, — два всемірно-историческихъ пути, по которымъ церковь Петрову ведетъ уже не Христось, а другой.

Такъ снаружи, но не такъ внутри. Тамъ, въ глубинахъ своихъ, въ сердцѣ своемъ, эта церковь «продолжаетъ сіять неуываемымъ внутреннимъ великолѣпіемъ, все тѣмъ же притягательнымъ, необычайнымъ, идущимъ съ

небесныхъ высотъ свѣтомъ, но свѣтомъ вечернимъ»,—это знаетъ Карташевъ лучше, чѣмъ кто-либо. И вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ, что «духъ человѣческой, не вынося безконечнаго тяготѣнія на немъ багряныхъ закатныхъ лучей, снова и снова порывается въ противоположную имъ темную сторону Востока, ища тамъ новой встрѣчи съ бѣлыми утренними лучами вѣчнаго дня».

Самъ Карташевъ стоитъ на рубежѣ этихъ двухъ свѣтовъ—багрянаго и бѣлаго. Можно стоять, но нельзя идти, не сдѣлавъ выбора, не отвѣтивъ прямо-на прямо на прямой вопросъ, гдѣ совершится исполненіе церкви вселенской: въ предѣлахъ или за предѣлами церковей историческихъ?

Какъ дважды человѣкъ не рождается, такъ и въ церковь не входитъ дважды. Кто изъ нея вышелъ, тотъ уже никогда не войдетъ. Человѣчество вышло изъ церкви исторической. Надо уйти изъ нея вмѣстѣ съ нимъ, чтобы вмѣстѣ войти въ грядущую церковь—вселенскую, изъ багрянаго свѣта закатнаго—въ бѣлый утренній свѣтъ.

Страшный уходъ, страшный разрывъ. Только тѣмъ, кто никогда не былъ въ церкви, онъ кажется легкимъ, безкровнымъ: а тотъ, кто въ ней былъ, знаетъ, что это самый тяжкій, кровавый изъ всѣхъ разрывовъ души человѣческой.

Пойдетъ ли Карташевъ на этотъ разрывъ? Если нѣтъ, то онъ останется великимъ религіознымъ созерцателемъ; а если да, то, судя по этой рѣчи, такой пророчески-огненной, какой, повторяю мы еще не слышали со временъ Чаадаева,—въ Россіи явится великій дѣятель.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Не святая Русь	5
Большая красавица	25
Поденщикъ Христовъ	37
Распятый народъ	51
Поэтъ вѣчной женственности	65
Еще шагъ грядущаго хама	79
Декабристъ Булатовъ	91
Декабристы въ 60-е годы	109
О религіозной лжи націонализма	121
Еврейскій вопросъ, какъ русскій	133
В. С. Соловьевъ	139
Чаадаевъ	147
Убийца лебедей	165
Война и религія	173
Два Ислама	181
Желѣзо подъ молотомъ	189
Соловьи надъ кровью	197
Духа не угашайте	205
Исполненіе церкви	211

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
 БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.
 Inv. № 112848

